

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**СОСТАВ И СТРУКТУРА ТОПОНИМОВ
БЕЛГОРОДСКОГО РЕГИОНА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, 02031151 группы
Прошуниной Натальи Анатольевны

Научный руководитель
кандидат
филологических наук,
доцент Нагорная С.Ю.

БЕЛГОРОД 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Лингвистические понятия топонимов	8
1.1. Понятие имени собственного.....	8
1.2. История изучения топонимов	10
1.3. Основные проблемы классификации топонимов	11
1.4. Графическая нормализация топонимов.....	19
Глава 2. Топонимическая система Белгородского региона.....	22
2.1. История возникновения и варианты названий современных районных центров Белгородского региона	22
2.2. Варианты написания топонимов в различные исторические периоды	33
2.3. Структура топонимов Белгородского региона	45
2.4. Неофициальные названия районов города Белгорода.....	48
Заключение.....	52
Список использованной литературы	56
Приложение.....	64

Введение

Язык – древнейшая форма общения людей, великий двигатель прогресса. Возникнув на много тысячелетий раньше письменности, язык хранит в себе богатейшие запасы сведений о жизни людей не только в недавнем прошлом, но и в древнейшие археологические эпохи. Для многих славянских народов язык, устная народная традиция служили основным хранилищем многовекового исторического опыта.

За последние десятилетия наметился повышенный интерес к изучению таких языковых единиц, которые могут отражать как универсальные, так и национальные особенности восприятия окружающей действительности. Из целого ряда наук, изучающих те или иные аспекты языка, выделяют ономастику (наука о собственных именах) и её разделы – топонимику и антропонимику.

Топонимика изучает происхождение, содержание и закономерности развития географических названий. Географические названия всегда исторически обусловлены. Их возникновение, развитие и отмирание связаны с общим ходом исторического процесса в конкретном регионе. Топонимика фиксирует переселения, столкновения и ассимиляцию племён и народов. Она много может рассказать об особенностях развития данной общности людей. В топонимике региона отражаются важнейшие этапы истории культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем ойконимия представляет интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник.

Трудно представить себе современный мир без географических названий. Каждый топоним несет разнообразную информацию: историческую, географическую, лингвистическую, так как географические имена – это свидетельства исторических условий эпох, когда они возникали, формировались и распространялись.

Вопросами топонимики занимались такие видные лингвисты, как А. Х. Востоков, В. И. Даль, А. В. Суперанская, Н. И. Надеждин, Л. В. Успенский,

П. П. Семёнов–Тян–Шанский. Над изучением региональной топонимии регионов работают многие ученые, среди них Л. И. Дмитриева, А. С. Щербак, В. Г. Руделёв (топонимия Тамбовской области), Е. Л. Березович (топонимия Урала), М. В. Горбаневский (топонимия Москвы и Московской области), А. А. Бурыкин (топонимика Сибири и Дальнего Востока), С. П. Васильева (топонимия Сибири), Д. Б. Луговой (ономастикон Ставропольского края), В. С. Каратавенко (топонимия Смоленского края), Е. И. Сьянова (микротопонимия Воронежского Прихопёрья), Г. Л. Щеулина (топонимия Верхнего и Среднего Подонья), Ю. Д. Ильин, В. И. Супрун, И. В. Крюкова (топонимия Волгоградской области), и многие другие.

Изучению Белгородской региональной топонимии посвящены работы Добродомова, И. И. Жиленковой, Б. И. Осыкова, В. А. Прохорова, М. В. Федоровой и других авторов, которые в основном анализировали названия населённых пунктов Белгородской области в семантическом и словообразовательном аспектах, рассматривали семантику образующих основ и способы словообразования.

Несмотря на длительную историю исследований и наличие весомого количества трудов, посвящённых изучению топонимов, всё ещё остаётся множество проблем, которые затрудняют толкование географических названий, спорных вопросов, связанных с определением источников топонимов и требующих к себе еще более пристального внимания не только со стороны лингвистов, но и со стороны историков.

Топонимы своеобразны по значению и употреблению. Они могут иметь «большой возраст», насчитывающий много веков, например названию Белгород города Бель не менее одной тысячи лет, а названиям Волга, Енисей, возможно, по несколько тысяч лет. В них может сохраниться нарицательное слово, давно вышедшее из употребления. Это происходит потому, что из жизни человека в течение времени исчезают какие–либо предметы, явления, исчезают слова, обозначавшие их, изменяется форма слова, либо одни слова заменяются другими.

Местные географические названия зачастую оказываются надежным свидетельством исторического прошлого региона, лексических напластований топонимов, отражая систему этнических миграций, поэтому всестороннее исследование топонимии региона не только способствуют разгадке прошлого, но и даёт ценный материал для выяснения целого ряда вопросов исторической географии, этнографии и других смежных наук.

Актуальность исследования. В последние годы в лингвистике возрастает интерес к региональной топонимике. Несмотря на то, что Белгородская топонимия являлась объектом исследования специалистов различных наук: историков, географов, лингвистов, до настоящего времени она все еще не достаточно изучена, тем более с привлечением архивного и картографического материала. Кроме того, что касается исследования общих и частных ономастических проблем, многие ученые отмечают «экстенсивное изучение русской ономастики в целом: впечатляющее накопление эмпирического материала в целом вне системного уяснения его места в языке и речи, без определения ... сущности ономастической подсистемы в ее осмыслении с различных точек зрения» [Супрун 2000: 152]. Таким образом, актуальность нашего исследования заключается в необходимости всестороннего описания и изучения лингвокультурных, историко-культурных и топонимических традиций, способов передачи Белгородского топонимикона, представленного разнообразным языковым оформлением.

Неизученность эволюции языковых явлений, вариативности топонимической лексики, зафиксированной на территории Белгородского региона, дает основание считать актуальным и целесообразным исследование системных отношений в топонимии упомянутого региона и моделей образования и вариантность написания топонимических единиц.

Объектом исследования является русская ономастика как ценнейшая система информации.

Предмет исследования – топонимы Белгородской области, засвидетельствованные письменными источниками, их варианты в разные

периоды существования. В данной работе рассмотрены топонимические данные региона с 1745 года и топонимы, нанесенные на современную карту области.

Основная **цель** работы – комплексный анализ топонимии Белгородского региона с точки зрения историко-культурных контактов и лингвистических модификаций. В связи с этим ставятся следующие **задачи**:

- собрать и систематизировать полевой и архивный материал по топонимии изучаемого региона;
- выявить и описать систему топонимических терминов, являющихся составным компонентом Белгородских названий географических объектов;
- на основе установленной закономерности исторически изменившихся особенностей написания топонимов Белгородского региона провести классификацию топонимов;
- изучить структуру и способы образования Белгородских топонимов;
- проанализировать особенности написания ойконимов в разные исторические периоды.

Материалом для исследования послужили карты Белгородской, Орловской, Курской, Харьковской и Воронежской губерний с 1745 г., современная карта Белгородской области.

В работе применялись следующие основные **методы исследования**: описательный, исторический, картографический, статистический, этимологический. Был использован также структурный анализ топооснов и топоформантов и анализ вариантов названий географических объектов (официальных и неофициальных).

Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений об ойконимах, в определении закономерности исторически изменившихся особенностей написания топонимов Белгородского региона, что открывает новый взгляд на подходы к изучению топонимии – в аспекте исторического и историко–культурного знания.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для составления различного рода региональных словарей, справочников, атласов, хрестоматий и т.п. Материалы дипломной работы можно применять в курсах по лексикологии русского языка, русской диалектологии, этнолингвистике и лингвокультурологии, в курсе по введению в языкознание, когнитивной лингвистике, а также при изучении регионального компонента в средней школе. Кроме того, топонимические данные полезны при проведении факультативных курсов по лингвокраеведению в гуманитарных классах школ Белгородской области.

Структура работы включает в себя Введение, две главы, Заключение, Список использованной литературы и Приложение.

Апробация дипломной работы проходила на международном молодёжном научном форуме «Белгородский диалог» в апреле 2017 года.

ГЛАВА 1. Лингвистические понятия топонимов

1.1. Понятие имени собственного

Под собственным именем (онимом) вслед за Н. В. Подольской мы подразумеваем слово или словосочетание, служащее для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации [Подольская 1978: 95].

В лексике каждого языка имена собственные образуют особый разряд, который противопоставляется именам нарицательным и обладает своими специфическими признаками.

Поскольку имена собственные являются лингвистическим фактом и представляют собой объект для лингвистического анализа, то необходимо установить границы ономастики в лексической системе. Сложность и спорность этой проблемы доказывается самой историей изучения имен собственных как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Разнообразные различительные признаки собственных и нарицательных имен чаще всего сводят к следующему:

1. Собственное имя не обозначает, а называет, «у имен собственных способность обозначать ограничена до предела». На эту особенность имен собственных указывает и А. А. Реформатский [Реформатский 1967: 60].

2. Собственное имя «семантически редуцировано» и не соотносено с понятием. Ряд лингвистов выступает против этой точки зрения, согласно которой у имени собственного нет какого-либо значения.

3. Имена собственные и нарицательные обладают различной степенью лексической абстракции. А. А. Реформатский, пишет, что «иногда создается впечатление, что семейство собственных имен, с одной стороны, напоминает чем-то эсперанто,... а с другой стороны, даже «заумный язык» [Реформатский 1964:17]. Эту точку зрения разделяет О.С. Ахманова, считая, что собственное имя является «простым знаком, указывающим на известную вещь, событие, положение и т.п.» [Ахманова 1996: 85].

Интересен подход к проблеме имен собственных академика Л. В. Щербы. Он пишет: «Поскольку собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла, постольку мы должны их считать словами, хотя бы и глубоко отличными от имен нарицательных; поскольку же они являются словами, постольку нет никаких оснований исключать их из словаря. Весь вопрос состоит в определении того, что в языке является «значением собственных имен» [Щерба 1974: 243].

В настоящее время в ономастике имеется общепринятая классификация онимов. Выделяют такие виды, как:

- топонимы (названия географических объектов);
- антропонимы (имена людей);
- теонимы (имена божеств);
- фитонимы (имена растений);
- идеонимы (названия объектов духовной культуры);
- зоонимы (имена или клички животных);
- астронимы (названия небесных тел);
- хрематонимы (названия объектов материальной культуры);
- космонимы (названия зон космического пространства и созвездий);
- фалеронимы (названия орденов, медалей);
- ктематонимы (названия пароходов, журналов);
- хрононимы (названия временных отрезков, связанных с историческими событиями);
- названия средств передвижений, названия стихийных бедствий и др.

Можно заключить, что региональная топонимия, под которой понимается совокупность географических названий определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры

создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем топонимия интересна для исследования и как историко-географический материал, и как лингвистический источник.

1.2. История изучения топонимов

По мнению ведущих исследователей, несмотря на стремительное развитие языкознания в целом, русская ономастика как самостоятельная лингвистическая дисциплина остается в рамках традиционно–описательной лингвистики; видимо, этим и объясняется ее экстенсивное изучение.

Согласно работам русских лингвистов, ономастическая лексика любого языка представляет собой гигантскую макросистему, или систему систем, объединяющую многочисленные системы имен, относящихся ко всем секторам ономастического пространства применительно к речи отдельных групп, например, социальных, территориальных, использующих данный язык. Современная методология языкознания позволяет определить наиболее продуктивный подход к топонимике как многометодный. А.Белецкий отмечает, что «поскольку лексика любого натурального языка развивалась на основе антропоцентризма и антропоморфической проекции отраженного в человеческом мышлении мира в этот самый мир, по–прежнему приходится в изучении лексики как генонимической, так и эйдонимической (т.е. ономастической) ссылаться на «человеческий» фактор, но не в смысле его субъективизма, а в смысле его коллективизма» [Белецкий 1972: 161].

По определению, приведённому в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, ономастическая система – «особым образом внутренне организованная совокупность ономастических моделей, типов, рядов» и включает в себя понятия топонимической и антропонимической систем [Подольская 1978: 135].

Топонимы образуют на территории любого региона свою определенную систему. Существующие определения понятия топонимической системы характеризуются как наличием общих признаков,

так и рядом более или менее значимых различий. Как отмечает Г.В. Глинских, термин «топонимическая система» несёт в себе все наименования каждой территории, рассматриваемой отдельно или в совокупности с другими территориями, а также система рассматривается как совокупность отдельных видов топонимов, соотнесенных по какому-то структурному или семантическому признаку, «системные отношения между лингвистическими единицами, функционирующими в языке, переносятся на топонимический материал, что вполне вероятно и закономерно, но интерпретируются как специфические связи, создающие особую, топонимическую системность» [Глинских 1987: 44].

И.А. Воробьева пишет: «Топонимия любой территории многоязычна и разновременна. Под территориальной топонимической системой мы понимаем упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории. Каждая система, формируясь, вбирает в себя разноязычные предшествующие топонимы [Воробьева 1976: 190].

Научный период топонимики в России начался лишь в XIX в. В 1812 году появляется статья А.Х. Востокова «Задача любителям 10 этимологии», где впервые сформулирована точка зрения на возникновение гидронимов Ладога, Волга, Днепр, Дон, Оскол и многих других [Жиленкова 2012: 9].

Историческую значимость топонимов трудно переоценить. Зачастую названия населённых пунктов появлялись раньше, чем первые письменные источники, поэтому они являются частью дописьменной истории языка.

1.3. Основные проблемы классификации топонимов

Проблема классификации топонимических единиц продолжает, безусловно, оставаться одной из наиболее актуальных в настоящее время. Об этом свидетельствует целый ряд работ, появившихся за последние два десятилетия как в нашей стране, так и за ее пределами.

О сложности проблемы классификации топонимов свидетельствует отсутствие единообразного подхода к ее решению. Как пишет А.В. Суперанская, «описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации, которая либо незримо присутствует в ономастической работе как своеобразная платформа автора, либо специально им вводится для более четкого разграничения явлений». Вопросы, связанные с выявлением закономерностей и системных связей, организующих топонимию, всё больше привлекают внимание современных исследователей. Однако, по мнению многих исследователей, создание единой универсальной классификации многопланового топонимического материала представляется или маловероятным, или невозможным.

Несомненный интерес представляет подход к решению данной проблемы Н.В. Подольской. Говоря о характере анализа и классификации топонимического материала, она предлагает два вида классификаций. До лингвистического анализа материала, по мнению Н.В. Подольской, за основу классификации должен быть положен признак самого объекта, к которому относится название. При этой первичной классификации выделяются две группы: названия, относящиеся к населенным пунктам, и названия, относящиеся к естественным природным образованиям. Дальнейший анализ материала и его классификация должны быть осуществлены собственно лингвистическими средствами. Этимологический анализ структуры топонима, так как именно структура – это то, что исследователь имеет перед собой непосредственно. В результате данного анализа структуры материал можно будет распределить на структурно-морфологические группы. Обосновывая правомерность такого подхода, Н. В. Подольская пишет: «Такая структурная классификация очень важна, так как она позволяет выявить характерные для каждой территории типы топонимов и дает возможность соответствующего дальнейшего подхода к материалу и его анализу».

Заключительной фазой исследования является детальный лексико-семантический анализ, который позволяет выделить группы топонимов, связанных непосредственно с личными именами, этнонимами и природой. О существовании двух приемлемых схем классификации топонимического материала пишет и Е. М. Черняховская:

- по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации;
- по лексико-семантической структуре как средству вскрытия топонимообразовательного исторического процесса.

Отмечая обоснованность этих классификаций в научном и методическом аспектах, Е. М. Черняховская обращает внимание на необходимость изучения словообразовательной структуры имен собственных – географических названий, т.к. «все собственные названия, с одной стороны, свидетельствуют об общем процессе и тенденциях развития каждого языка, как в прошлом, так и на современном этапе и, с другой, – им свойственны свои собственные закономерности развития, своя словообразовательная специфика».

В современной топонимике большое внимание уделяется также разработке семантических классификаций географических названий. «Именно здесь топонимы наиболее прозрачно отражают историю народа», пишет Ю. А. Карпенко, детально разработавший классификацию топонимов по источникам их происхождения. Автор выделяет четыре основных класса топонимов:

- 1) топонимы, источником которых служили собственные географические названия, признаки соответствующих объектов или нарицательные географические названия;
- 2) топонимы, произошедшие от этнических названий, антропонимов и прочих нарицательных названий людей;
- 3) топонимические названия, неясные по своему происхождению;

4) топонимы, образованные от названий предметов и явлений культуры.

Привлекает своей оригинальностью классификация названий по соотношенности их с называемыми объектами и по степени номинации, данная А. В. Суперанской. Автор выделяет непосредственные топонимы, отражающие какие-либо черты, присущие объектам, и опосредствованные, то есть не дающие никакой географической характеристики объектов. По степени номинации А. В. Суперанская делит топонимы на первичные, произошедшие непосредственно от имен нарицательных, и непервичные, восходящие к другим собственным именам. Сочетая эти две характеристики, автор получает четыре типа, каждый из которых обладает своими отличительными особенностями и присущ определенным категориям объектов.

Так же А. В. Суперанская отмечает, что подход к материалу и методы его изучения, и глубина охвата будут различными в зависимости от принадлежности названий к определенным хронологическим отрезкам, языкам, территориям, и так далее. Предложенные Суперанской принципы классификации ономастического материала представляются нам наиболее исчерпывающими. Они позволяют осуществить несколько схем классификации:

1. Классификация имен в связи с именуемым объектом.
2. Хронологическая классификация.
3. Структурная классификация имен «макро—».
4. Классификация в связи с мотивировкой имен и примыкающая к ней этимологическая классификация.
5. Классификация с целью разграничения естественно возникших и искусственно созданных имен.
6. Классификация по линии «микро—».
7. Стилистическая и эстетическая классификации.
8. Классификация в связи с объемом закрепленных в именах понятий.

9. Классификация в связи с дихотомией язык-речь.

Все эти аспекты присущи любому имени и могут служить его характеристиками.

В поддержку приведенной точки зрения приведем утверждение Н. В. Подольской о том, что «нельзя при языковом анализе топонимов уделять внимание какой-то одной стороне или преимущественно одной. Анализ топонима должен быть всесторонним и филигранным. От этого зависит качество классификации, верность этимологии, возможность правильного распределения топонимов по хронологическим слоям» [Подольская 1962: 220]. Вместе с тем недостатком данных классификационных схем, по словам Э.М. Мурзаева, является «невозможность уложить в прокрустово ложе той или иной классификации все разнообразие миллионов географических названий. В хронологическом аспекте любая топонимическая система и архаична, и современна. В хронологическом она неповторима и обнаруживает черты сходства, так как основные отправные положения номинации и географических объектов оказываются одними и теми же или очень близкими во всем мире».

Сознание топонимической личности является одним из внутренних факторов развития топонимической системы, установка на систематизацию всегда присутствует в сознании личности. Стремление включить этот признак в число конституирующих наблюдалось довольно давно. Например, в 1984 г. А.В. Суперанская вносит дополнение в ставшее традиционным определение топонимической системы: «топонимическая система – это территориально организованный набор топооснов, топоформантов, а также способов их соединения друг с другом и специфика восприятия определенных топонимических образований» [Суперанская 1984: 108]. В труде «Теория и методика ономастических исследований» определение топонимической системы существенно более целостное: «Под топонимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии

населяющего ее коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности» [Суперанская 1986: 51].

Идея о единстве построения топонимов на антропоцентристской основе не была развита в отечественной топонимике, поскольку анализ мировоззренческих моделей возможен только при обращении внимания на человека говорящего, воспринимающего и интерпретирующего, а лингвистическая парадигма повернулась лицом к человеку только в конце двадцатого века.

О сложностях проблемы классификации топонимов свидетельствует отсутствие до сегодняшнего времени единого подхода к ее решению. Русская ономастика как отдельная наука стала активно развиваться в 60–70-х годах XX века, когда к ней обратились лингвисты, специалисты по теории языка, лексикологи, в том числе В.П. Нерознак, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Р.А. Агеева, Н.И. Толстой, Э.М. Мурзаев, Е.М. Пospelов, и другие, а также философы Я. Моррис, А.Ф. Лосев и др.

В настоящее время теоретико-методологическая база позволяет выделить основные направления ономастического исследования: этнолингвистическое (Н.И. Толстой, Е.Л. Березович, Н.К. Фролов и др.), лингвострановедческое (М.В. Горбаневский, Е.М. Верещагин, Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров, О.Н. Минюшова и др.) лингвокультурологическое и когнитивное (И.С. Карабулатова, С.М. Пак, О.Т. Молчанова, В.В. Алпатов, А.С. Щербак). Представителями когнитивного направления рассматривается значение топонима как результат отражения сознанием человека окружающей действительности. В этом случае речь идет о таком понятии, как «топонимический концепт», формирующий концептосферу топонимов [Щербак 2008: 57].

В каждом направлении исследование ономастической лексики ведется с учетом антропоцентрического характера – роли человека в процессе номинации. Из этого следует, что совокупность названий географических

объектов отражает комплексные сведения о местности, на которой она локализована, и представляет собой организованную языковую систему – топонимическое пространство. Термины «топонимическое пространство» и «топонимическая система» взаимозаменяемы и могут означать определённым образом организованную совокупность топонимов данного этноса для данного времени на данной территории. Под термином «топонимическая система» понимается совокупность географических названий региона, совокупность отдельных классов топонимов (ойконимов, гидронимов, оронимов, урбонимов, геонимов), а также ряды топонимов, соотносимые по какому-либо структурному или семантическому признаку.

В настоящее время среди топонимов выделяются различные классы, такие как:

- хоронимы – названия любых территорий, областей, районов;
- астионимы – названия городов;
- урбонимы – названия внутригородских объектов;
- годонимы – названия улиц;
- агоронимы – названия площадей;
- дромонимы – названия путей сообщения;
- гидронимы – географические названия водных объектов, в том числе:
 - пелагонимы – названия морей;
 - лимнонимы – названия озёр;
 - потамонимы – названия рек;
 - гелонимы – названия болот, заболоченных мест;
- оронимы – названия поднятых форм рельефа (гор, хребтов, вершин, холмов);
- ойконимы – названия населённых мест;
- микротопонимы – названия небольших объектов (угодий, урочищ, сенокосов, выгонов, топей, лесосек, гарей, пастбищ,

колодцев, ключей, омутов, порогов и т.д., обычно известные лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определённом районе);

- геонимы – названия дорог, проездов и т.п.

При структурном подходе в топонимической системе выделяются следующие основные свойства: территориальность, фонетическая индивидуальность, лексическая общность, морфологическая общность элементов (наличие определенного ряда топооснов, топоформантов). Как любая система, топонимическое пространство имеет четкую систематизацию составляющих элементов, опирающуюся на их иерархические отношения с учетом каких-либо дифференциальных признаков.

Иерархические отношения в региональной ономастике находят отражение в теории трех уровней категоризации ономастических единиц: базовый, суперординатный и субординатный. Базовый уровень является определяющим в структуре ономастической категоризации. На этом уровне сосредоточена наибольшая часть ономастических знаний человека и общепринятых официальных наименований. Суперординатный уровень передает знания общего порядка в виде категории пространство, на нём проявляется характер оппозиции «пространство – не пространство». На субординатном уровне сосредоточиваются неофициальные местные названия географических объектов. В итоге формируется региональная концептосфера топонимов, отражающая представления человека об окружающей действительности посредством передачи концептуальных знаний о названии той или иной местности.

Разделяя мнение о том, что создание единой классификации для всех географических названий какого-либо региона вряд ли возможно, мы считаем целесообразным провести исследование топонимов по двум направлениям, а именно, взяв за основу хронологическую и стилистическую классификации.

В ходе данного исследования было установлено, что именно на субординатном уровне происходит детализация. Речь идет о сохранении первичного названия местности, о повторяемости топонимов в пространстве и во времени, о характерных отличительных чертах тех или иных топонимов, о локальных тополексемах. Местность может поменять свое официальное название, но долгое время прежнее наименование сохраняется в памяти жителей исследуемого региона. Так, официально село *Бродок* Белгородского района называлось *Троицкое*, *Бродок–Троицкое*, после закрепилось название *Бродок*. В недавнем прошлом село вошло в состав Никольского сельского поселения, сейчас это улица Степная, но местные жители до сих пор называют это место *Бродок*.

Таким образом, остается актуальным комплексное, разноаспектное изучение топонимической системы в свете очевидных изменений в современной парадигме науки о языке.

1.4. Графическая нормализация топонимов

Географические названия являются ценнейшими памятниками духовной культуры человечества. Они передаются из поколения в поколение и в течение веков и тысячелетий хранят память народа о его прошлом. Информационный потенциал названий велик и разнообразен. Каждый топоним отражает какие-либо особенности объекта, и это позволяет привлекать географические названия для решения разнообразных исторических, географических и лингвистических задач. Большое практическое значение имеет адресная функция названий, то есть способность объект, событие привязывать к местности с помощью названий.

Вместе с тем встречается и высокая степень вариантности названий, сосуществование многих названий в различных официальных и местных формах. Это создает определённые трудности при практическом применении топонимов. На раннем этапе выход находили в одновременном указании нескольких названий одного и того же объекта (*Бродок–Троицкое*,

Генераловка–Разумовка, Никольское–Хлоповка). Неудобства подобной многоименности были очевидны, требовалась нормализация названий, т. е. выбор одного названия, разработка правил графической передачи названий, применение единых правил написания. Решение проблемы нормализации, которую и сейчас нельзя считать окончательно достигнутой, требовало разработки научно-методической базы и организационных форм, закрепленных определенными юридическими актами.

Первые шаги в направлении нормализации были предприняты в XVIII веке. Они связаны с развитием картографии в России. Уже в то же время стало ясно, что картография – крупнейший потребитель географических названий, заинтересованный в их правильном написании. Поэтому не случайно первые напоминания о названиях на картах, о том, как необходимо писать названия, об ошибках в картах, связаны с созданием первых отечественных атласов и с именами В. Н. Татищева, И. К. Кирилова, М. В. Ломоносова. Однако первое редакционное решение, принятое при разработке Географическим департаментом во второй половине XVIII века нового атласа России было кратким: написание русских названий предлагалось «отдать на рассуждение самих сочинителей ландкарт» [Поспелов 2008: 57].

Подобным был подход к названиям при выполнении Генерального межевания России, начатого в 1765 г. специально затрагивался лишь один вопрос: «оказавшиеся при межевании пустоши, речки, ручьи и другие урочища под названиями непристойными, а особливо срамными, в межевых книгах и планах писать иными званиями, исключая из прежних названий или прибавляя некоторые литеры по пристойности, чтобы через то они уже имели не срамные названия». И через сто лет, принимая в 1864г. решение о составлении Специальной десятиверстной карты Европейской России, редакция ограничилась лаконичным указанием: «В надписях держаться общепринятой орфографии».

Русское географическое общество активно включилось в разработку топонимических проблем в 1904 г. в связи с составлением новой 40–верстной

карты Европейской России. В русском географическом обществе была создана подкомиссия по транскрипции, проделавшая серьезную научно-методическую работу по передаче иноязычных названий, которая выработала ряд организационных форм, но все это оставалось в области единичных решений, не закрепленных законодательно, а потому и необязательных для других учреждений и ведомств.

Выбор наиболее распространенных названий и определение их написания – это и есть нормализация наименований. В России нормализация проводится в соответствии с правилами и традициями русского языка. Наименование, присваиваемое географическому объекту, должно отражать его характерные признаки, особенности жизни и деятельности населения данного региона и к тому же вписываться в существующую систему топонимов. Наиболее сложной задачей на современном этапе считается пополнение данных о прежних названиях существующих географических объектов.

Таким образом, нормализация наименований географических объектов по сути является кодификацией письменной нормы употребления топонимов.

Глава II. Топонимическая система Белгородского региона

2.1. История возникновения и варианты названий современных районных центров Белгородского региона

Топонимия Белгородского региона имеет более чем четырёхсотлетнюю историю. За это время территория современной области входила в состав Киевской и Азовской губерний, Курского наместничества, а затем Курской губернии, Воронежской губернии.

В тысячелетней истории Русского государства заметный след оставил *Град Белгород* как крепостца (915 г.), как крепость–форпост освоения юго–восточных славянских земель (1503–1593 гг.), как главный город Белгородской черты (1651–1727 гг.), как столица обширной и значимой Белгородской губернии (1727–1779 гг.), как центр Белгородской епархии и, уже в современное время, административный центр Белгородской области (с 1954 года по настоящее время).

Белгород на Северском Донце, или как в летописных источниках сообщается *крепостца*, что «словет Белогородье», имеет древнюю историю [Овчинников 2012:6]. Раннеславянские поселения периода VII–X вв. н. э. на территории Белгородчины располагались по рекам. По летописным источникам и археологическим данным северяне занимали земли по Северскому Донцу и Дону (их верховьям).

Характерными памятниками роменской археологической культуры IX–X вв., предшествовавшей киевской, является поселение на Меловой горе в г. *Белгороде* (как само поселение, так и меловые горы не сохранились, разрушены и утрачены в процессе строительства железной дороги и разработок мелзаводов).

Археологические находки, роменская керамика позволяют говорить о том, что «Белогородье» – роменская крепостица в черте современного Белгорода уже существовала в конце IX в. и погибла, как и крепостицы на месте летописного Хотмыжска и Харькова (летописный Донец) в 915 г. во время нападения печенегов.

С образованием Киевской Руси территория Белгородского края (славянские северянские поселения, включая и Белгородье) стали её юго-восточной окраиной.

В VII–IX вв. сложился Северянский союз. Вплоть до Святослава он занимал особое положение.

С 1036 г. Ярослав «принял власть над всей Русью», земли белгородские перешли под власть великого киевского Ярослава Мудрого. В дальнейшем территория края оказалась в составе Северского княжества, а с 1130–1140 гг. в составе Переяславского княжества.

В 1239–1240 гг. войско Батыея по пути на запад разорило земли нынешней Белгородчины, разрушило почти все крепости в крае.

После монголо-татарского нашествия белгородские земли полностью не обезлюдели. Вскоре уцелевшие жители Белгородчины вновь поселились на местах старых городищ и крепостиц.

В начале XVI в. – 1502–1503 гг., как свидетельствуют документы, Белгород появляется на страницах русской истории. На месте, что «словет Белгородье», то есть на старом Белгородском городище появляется «город» Белгород, как огороженное место, как ограда, «огорожа». Он еще не выполняет политического назначения, еще не является центром торговли и ремесла.

В конце XVI в. началось строительство укреплений на территории нашего края. В 1571 году на южной окраине России располагалось 73 сторожи. В качестве сторожи на протяжении всего XVI в. существовал и Белгород.

Постройка в 1593 году крепости Белгород и ряда других положило начало созданию линии укреплений на территории Белгородского края. Однако эта крепость вскоре была разрушена. Согласно Разрядной книге крепость Белгород на Белой горе строилась осенью 1596 года по указу царя Фёдора Иоанновича воеводами – князем М. В. Ноздроватым–Звенигородским и князем А. Ф. Волконским.

В 1646 г. было принято решение о переносе крепости к Карповскому валу на правый берег Северского Донца от реки Везеницы (ныне Везелица). Осуществлял постройку воевода В. П. Головин, техническое руководство осуществлял французский инженер Давид Николь, до этого строивший крепость Царев–Алексеев – с 1655г. – Новый Оскол.

Крепость была упразднена указом ЕкатериныII от 30 апреля 1785 г. Основание Белгорода, а также Оскола (с 1655 г. – Старого Оскола) и Валук означало включение почти всей территории Белгородского края в состав Российского государства.

С 1638 г. началось строительство Белгородской оборонительной черты – сплошной линии укреплений от р. Ворсклы на западе к Северскому Донцу, далее к Воронежу и Тамбову протяженностью 720 вёрст (800 км). Она смыкалась с Симбирской чертой – до Волги. Это была самая протяженная оборонительная черта, построенная Российским государством за всю историю. Главным городом черты стал Белгород (БѣльГородъ). Для управления новым краем в Москве был создан приказ Белгородского разряда.

В результате военно–политических успехов первой четверти XVIII в. были созданы благоприятные условия для развития Белгорода, который с 1727 по 1779 г. был губернским городом, столицей обширной Белгородской губернии.

18 декабря 1708 г. по административной реформе Петра I Белгород был приписан к Киевской губернии. По указу от 29 мая 1719 г. Белгород стал административным центром Белгородской провинции, охватывавшей территорию нынешних Белгородской, Курской, Харьковской, частично Сумской и других областей.

1 марта 1727 г. указом ЕкатериныI была учреждена Белгородская губерния в составе Белгородской, Орловской, Севской провинций.

С 1779 г. Белгород входил в состав Курского наместничества (с 1796 г. — в Курскую губернию). В 1785 г. он был исключен из числа крепостей. С этого времени город стал уездным центром Курской губернии.

В советское время Белгород стал центром округа (с 1930 г. – района) в составе Центрально–Черноземной области РСФСР (1928–1934 гг.), а после ее расформирования – центром района Курской области (1934–1954 гг.).

6 января 1954 г. была образована Белгородская область, а город Белгород стал административным центром вновь образованной области [Овчинников 2012: 60].

В своих нынешних административно–территориальных границах Белгородская область представлена 21 районом.

Район	Районный центр
Алексеевский район	г. Алексеевка
Белгородский район	г. Белгород
Борисовский район	п. Борисовка
Валуйский район	г. Валуйки
Вейделевский район	п. Вейделевка
Волоконовский район	п. Волоконовка
Грайворонский район	г. Грайворон
Губкинский район	г. Губкин
Ивнянский район	п. Ивня
Корочанский район	г. Короча
Красненский район	с. Красное
Красногвардейский район	г. Бирюч
Краснояржужский район	п. Красная Яруга
Новооскольский район	г. Новый Оскол
Прохоровский район	п. Прохоровка
Ракитянский район	п. Ракитное
Ровеньский район	п. Ровеньки
Старооскольский район	г. Старый Оскол
Чернянский район	п. Чернянка
Шебекинский район	г. Шебекино

Яковлевский район	г. Строитель
Города Белгородской области	
Белгород	Алексеевка
Валуйки	Грайворон
Короча	Новый Оскол
Строитель	Шебекино

Для анализа топонимов необходимо учитывать историю возникновения современных районных центров Белгородской области и варианты их названий в рассматриваемый период.

Алексеевка основана как поселение в 1685 году (по другим сведениям – в 1691 году). Позже известна как слобода Алексеевская в Усердском уезде Воронежской губернии. Название, по-видимому, происходит от имени князя Алексея Михайловича Черкасского (1680–1742), который владел землями и крестьянами Алексеевки. Позднее входила в состав Бирюченского уезда. В 1918г. последний был преобразован в Алексеевский, Алексеевка впервые получила статус города. В 1954 Алексеевка была передана из Воронежской области в новообразованную Белгородскую, рабочий поселок преобразован в город.

Белгород. Топоним *Белгород* происходит от сочетания прилагательного «белый» и существительного «город» (слово «город, град» в русском языке имеет несколько значений, одно из них – «крепость»). «Белый город» – крепость, стены которой построены из белого камня. Другое толкование связывается с названием горы (так называемая «Белая гора»), на склонах которой и в пойме притока Северского Донца реки Везёлки и расположен Белгород. Возможно, из названия горы и заимствовано прилагательное «белый», тогда топоним Белгород имеет значение «город на белой горе». В этом названии определение «белый» связано с реальным цветом грунта местности: город находится в центре Мелового Юго–Запада,

частично занимает высокую меловую гору, где во второй половине XIX века ежегодно добывалось свыше 1 тыс. тонн мела.

На старорусском языке этот топоним означает: светло сделанный, сияющий дом; дом, несущий свет. Летопись сохранила другие названия: Белая Вежа (вежа– шатёр, лёгкое жилище, в ряде источников и восточно-славянских языков – башня), Белоград, Белогородье [Шмелёв 1995: 27].

Город возник на месте Северского городища (Роменская культура), расположенного на меловой горе, вблизи впадения реки Везелицы в Северский Донец. Северское городище – селение восточных славян (северян), которые пришли сюда не позже VIII века. Господство нахлынувших в эти места с юга племен аланов сменилось властью воинственных кочевников–хазаров и печенегов. Поселение вероятно было разрушено в начале X века кочевниками–печенегами.

В 884 году кочевников оттеснила дружина киевского князя Олега. В 965 году земли в верховьях Северского Донца были окончательно присоединены к Переяславльскому княжеству, по ним прошла его восточная граница. На основании археологических исследований, проведенных в 1951 году в Белгороде, академик Б.А. Рыбаков сделал заключение, что городище, на котором стоит современный Белгород, возникло в X веке. Годом основания Белгорода считается 995 год.

Слобода **Борисовка** известна с 1695 года, входила в состав Хотмыжского уезда.

После Октябрьской революции 1917 года слобода Борисовка была преобразована в село Борисовка, которое находилось в составе Грайворонского уезда Курской губернии. Статус посёлка городского типа с 1959 года. 20 декабря 2004 года образовано муниципальное образование «Посёлок Борисовка» со статусом городского поселения.

Валуйки. Основан в 1593 году, в царствование Фёдора Иоанновича как город–крепость на Муравском шляхе при впадении реки Валуи в Оскол. С

XVII века являлся административным центром Валуйского уезда. Назван по гидрониму (река Валуй).

Вейделевка. В 1747 году отставной генерал–майор Р. К. Ведель купил хутор Вышняя Ураевка (известен с 1742 года), и назвал его своим именем.

Статус посёлка городского типа с 1972 года.

Волоконовка. Населённый пункт основан в 1731 году. Считается, что князь Г. Г. Волконский на месте уже существовавшего поселения создал полноценный населённый пункт.

Статус посёлка городского типа с 1961 года.

Слобода **Грайвороны** основана казаками (черкасами), а также переселенцами близ устья реки Грайворонки, при впадении её в реку Ворсклу. Годом её основания считается 1678 год, когда митрополит Мисаил по челобитной получил от царя Фёдора Алексеевича земли по берегам реки Грайворонки.

Поселение относилось к Ахтырскому Слободскому казачьему полку Белгородского разряда.

С 20 октября (ст.ст.) 1721 года по 1 сентября (ст.ст.) 1917 года в составе Российской империи.

В 1727 году Грайворонская слобода была причислена к Хотмыжскому уезду.

В 1838 году слобода преобразована в уездный город Грайворон — вместо Хотмыжска, который стал заштатным городом Грайворонского уезда.

В Государственном архиве Белгородской области (Фонд 79, ед. хр. 1, 1909г.) представлен Грайворонский археологический комитет, где хранится история возникновения города *Грайворон*, изложенная в письменной форме по устным преданиям со слов родственников дворянина Сергеева.

Губкин. Первоначальное (до 1939 года) название населённого пункта — село **Коробково**. 19 сентября 1939 года по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР населённый пункт при шахте получил имя «Губкин» и статус

рабочего посёлка. День появления указа (19 сентября) принято считать днём рождения города.

Ивня. Название населённого пункта происходит от названия деревьев: «ива», «ивняк», которые во множестве росли вдоль озёр. Первые сведения о населённом пункте относятся к 1720 году. В 1928 году был образован Ивнянский район.

Город **Короча** был основан как пограничная крепость Белгородской засечной черты в 1637 году. Первоначально строительство крепости было начато в июне 1637 года на меловой горе возле реки Короча. Строительство города на новом месте закончилось 24 июня 1638 года. Первое время он назывался «Красным городом на Короче». Однако такое название просуществовало недолго, со временем оно сократилось до более короткого: Короча.

Красное. Мнения по истории возникновения села противоречивы, что связано с распространённостью топонима «Красное». В одном только Коротоякском уезде Воронежской губернии в XVIII веке было четыре села с таким названием. В некоторых источниках датой первого упоминания села называются 1659 год, в других – первую половину XVIII века. Село получило название по ручью Красный Колодезь, близ которого оно возникло.

Красногвардейский район образован в 1928 году как Будённовский район, входивший в Острогожский округ Центрально–Чернозёмной области. В 1934 году после деления Центрально–Чернозёмной области, Будённовский район вошёл в состав Воронежской области. 6 января 1954 года Будённовский район входит в состав вновь образованной Белгородской области. В 1958 году район был переименован в Красногвардейский. В современных границах Красногвардейский район сложился в марте 1964 года. С 1 января муниципальное образование «Красногвардейский район» наделено статусом муниципального района.

Населённый пункт **Бирюч** был основан в 1705 году казацким сотником Иваном Медковым «со товарищи», коим разрешено было «за теснотой в их

прежнем месте жительства», переселиться к верховьям реки Тихой Сосны, в урочище Бирючьей Яруги. Бирюч вошёл в состав Острогожской провинции, а с учреждением Воронежского наместничества в 1779 году стал уездным городом. В 1919 году был переименован в Будённый, в 1958 году — в село Красногвардейское, в 1975 году стал посёлком городского типа. В 2005 году было принято решение о присвоении посёлку статуса города и возвращении ему исторического названия Бирюч.

17 января 2007 года Государственная дума РФ приняла законопроект о переименовании Красногвардейского в Бирюч, который был подписан Президентом 30 января 2007 года.

Красная Яруга. Район образован в 1928 году в составе Белгородского округа Центрально-Чернозёмной области 13 июня 1934 года. После разделения Центрально-Черноземной области район вошёл в состав Курской области. 6 января 1954 года Краснояружский район входит в состав вновь образованной Белгородской области. В 1963 году район объединён с Ракитянским районом.

22 апреля 1991 года район был восстановлен.

С 1 января 2006 года муниципальное образование «Краснояружский район» наделено статусом муниципального района.

Новый Оскол. Основан в 1637 г. как «стоялый острог» с засекой. В 1647 году стал городом под названием Царев-Алексеев, который в 1655 году был переименован в Новый Оскол. В 1708 году город был приписан к Белгородской провинции Киевской губернии, в 1779 году стал уездным городом Курского наместничества, переименованного в 1797 году в Курскую губернию.

Прохоровка. Первое упоминание о населённом пункте в исторических документах относится ко второй половине XVII века. Польский шляхтич Кирилл Григорьевич Ильинский и сын его Савва выехали во время русско-польской войны 1654–1667 годов из Польши под Белгород, где основали слободу Ильинскую. В 1860-х годах Ильинская Слобода была

переименована в честь царствующего императора Александра II в село Александровское. В 1880–х годах западнее села прошла линия Курско-Харьковско–Азовской железной дороги. В то же время была построена станция Прохоровка, названная по фамилии инженера–путейца В.И. Прохорова, ответственного за её строительство. В ходе Великой Отечественной войны 12 июля 1943 года в районе железнодорожной станции Прохоровка и села Александровское произошло Сражение под Прохоровкой

20 июня 1968 года селу Александровское был присвоен статус рабочего посёлка. 20 сентября того же года рабочий посёлок Александровский был переименован в Прохоровку.

Ракитное было основано в 1652 году. Название получило по одноименной реке.

Ровеньки. Датой основания поселка Ровеньки принято считать 1650 год, в котором вышел именной указ царя Алексея Михайловича об укреплении южных границ России. Первоначально посёлок назывался Осиновый Ровенёк. Это название сохраняется как минимум до 1752 года. Статус посёлка городского типа Ровеньки получил в 1976 году.

Старый Оскол. В 1300 году на территории Старого Оскола находилось село Углы, ныне являющееся районом города. В 1593 году город под именем Оскол основан как застава на южных рубежах Русского царства. Город назван по имени реки, на берегах которой расположен. В 1655 году город переименован в Старый Оскол в связи с переименованием города Царёв–Алексеев в Новый Оскол.

Чернянка. В 1716 году деревня Чернянская (Красный Остров) вместе с деревней Акуней (с. Окуни), деревней Елецкой, сёлами Ливенским (Ливенка— сейчас Чернянка), Оскольским, Ездочейным (Ездочное), Маркова (Морквино), Гнилым Орликом (с. Окуни) находилась в Верхнем стане Новооскольского уезда. В 1786 году территорию современной Чернянки на плане генерального межевания Новооскольского уезда составляли:

- слобода Новоивановка (сейчас–Чернянка),

- деревня Морквина (Морквино – один из микрорайонов Чернянки),
- слобода Морквина (Морквино),
- сельцо Чернянка (Запесок – один из микрорайонов Чернянки),
- деревня Ливенка (Ливенка – один из микрорайонов Чернянки),
- деревня Чернянка, так назывался в 1786 году поселок Красный Остров.

Шебекино. Датой возникновения поселения Шебекино принято считать 1713 год, когда оно впервые было обозначено на российских картах. Однако, вполне вероятно, что на этом месте и ранее имелось какое-то небольшое поселение, возникшее в XVII веке в ходе освоения русскими людьми данных территорий. Тем более, что совсем недалеко от этого места проходила Белгородская оборонительная черта и располагалась одна из её сторож. В 1654 году на месте пригорода современного Шебекино был построен город–крепость Нежегольск, который входил в Белгородскую оборонительную черту. Своё название населённый пункт получил по фамилии первого землевладельца, подполковника Ивана Дмитриевича Шебеко, который, поселив здесь своих крепостных, основал селение.

Яковлевский район. Первое упоминание в документах о Яковлево относится к 1652 году, когда формировалась Белгородская оборонительная черта. Название Яковлево возникло по фамилии богатого поселенца, однодворца. До революции Яковлево делилось на два села: Яковлево, где селились люди вольные, имеющие свой надел земли, и деревня Погореловка.

Город Строитель. Заложен как посёлок в 1958 году на кукурузном поле.

Итак, начиная с 1745 года многие населённые пункты Белгородского региона сменили своё название, большинство из рассматриваемых нами топонимов имели варианты написания. Топонимия Белгородского региона многоязычна и разновременна. Но при этом она представляет собой

организованную и упорядоченную систему, элементы которой находятся во взаимной связи. Только ретроспективная документная информация может дать такой уникальный материал по графической фиксации топонимической системы региона.

2.2. Варианты написания топонимов в различные исторические периоды

Географические карты без надписей называются немymi, так как, хоть на них есть параллели и меридианы, обозначен масштаб и условные знаки, исчерпывающего ответа на целый ряд вопросов, которые могут возникнуть, они не дают. Ведь географическая карта – это, прежде всего, источник знаний, справочник, где кроме изображенных объектов большую роль играют соответствующие надписи–символы, топонимы. Они, как правило, давались не случайно, и поэтому, подобно своеобразным экскурсоводам, рассказывают нам о природных условиях, особенностях рельефа, характере растительного и животного мира, реках, озерах, островах и полуостровах, морях и океанах, истории народов различных уголков Земли.

Поэтому стоит ли говорить о том, насколько важным и необходимыми для нас являются «визитные карточки» разных регионов, и особенно, своей малой Родины – Белгородчины.

В своей работе мы опирались на исследование архивного материала, собранного в Областном государственном казённом учреждении «Государственный архив Белгородской области» и карты Белгородского региона, представленные на сайте www.etomesto.ru.

История становления географических названий отражает развитие человеческого познания и эволюцию отношения человека к внешнему миру, естественному, созданному природными условиями, и социальному, образованному в результате взаимодействия различных общественных институтов.

Географические названия появляются на самом раннем этапе развития общества из потребностей называть окружающие объекты, ландшафты, уголья в процессе их познания человеком. Для удобства ориентиров на местности и из необходимости объяснять друг другу, как ориентироваться.

Топонимическая лексика развивалась в тесной связи с прочими частями словарного состава языка. Она вбирала в себя то новое, что появилось в языке, в том числе, и новые слова, отражающие меняющиеся социальные и производственные отношения, достижения техники, прогресс науки.

Топонимическая лексика имеет ряд отличий от слов общей лексики:

- вторичность ономастических номинаций,
- индивидуальность каждого вида номинации,
- особо тесная связь имени с именуемым обществом,
- отсутствие непосредственной связи с понятием,
- отсутствие связи смысловых компонентов имени со смысловой линией текста, в которой она употребляется,
- повышенная связь имени с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло.

В последнее время стали говорить также о культурном компоненте значения имени.

Топонимы сотнями незримых нитей связаны с культурной жизнью человека, поэтому каждый топоним может рассматриваться как культурный памятник своей эпохи. Необходимо подумать и о создании Общества сохранения топонимов как своеобразных культурно-исторических памятников языка и народа, его создавшего.

Топонимы редко непосредственно соотносятся с реалиями, а, следовательно, и с именами нарицательными. Между ними, как правило, имеются еще один или несколько промежуточных звеньев – других собственных имен. Причины, почему данные собственные имена образовались именно от этих слов, а не от их синонимов, могут быть

достаточно случайны. Любой объект обладает множеством различных свойств, а назван лишь по какому-то одному. Причины этого не могут быть выявлены в результате ретроспективного лингвистического анализа, потому что они лежат вне лингвистики и едва ли могут быть восстановлены без привлечения исторических, географических, краеведческих и иных материалов.

Для того чтобы правильно написать географическое название необязательно знать нарицательное значение тех слов, от которых они, возможно, произошли, но обязательно знать, с каким объектом соотносится топоним. Представители разных народов по-разному воспринимают многие собственные имена.

Организирующим костяком в безбрежном море топонимов служат классы имеющихся объектов, вокруг которых группируются имена определенных типов. При этом нередко судьба имени в языке зависит от того, какому географическому объекту они даны, поскольку, попадая в разные топонимические ряды, имена испытывают различные влияния, подчиняются различным закономерностям и, соответственно, либо дольше удерживаются в языке, либо скорее заменяются другими, приходящими им на смену.

На каждой территории сосредоточены топонимы разных типов, что и обеспечивает разнообразие топонимов, а, следовательно, и четкую выделяемость именуемых с их помощью объектов. Для населения, которое создает топонимы, пользуется ими, они не отражают истории, а служат знаками для различения географических объектов, причем, и названия – описания, и названия – метки выполняют это одинаково хорошо, если они на данной территории не дублируются, и если рядом нет похожих названий.

В местных названиях много связанного с бывшими военными поселениями-слободами, которые окружали крепости Белгородской Засечной черты. Они назывались однотипно во всех районах, где были крепости: Казацкое, Стрелецкое, Пушкарное, Драгунское, Солдатское и т.д.

Немало названий, связанных с определенными лицами, как историческими, так и легендарными. Много имен связано с местными географическими названиями. Большое количество названий связано с украинскими поселениями. Интересны названия, связанные с особенностями поселения у какого-либо предмета, например, у березовой рощи – *Березовка* (Белгородский район), у калины – *Калинова* (Красногвардейский район).

Как известно, сохранившиеся в топонимии реликтовые слова позволяют восстановить хотя бы в самом приблизительном виде не дошедшие до нас древние языки, остатками которых являются некоторые географические названия. Систематическая повторяемость их на определенной территории в связи с определенными объектами дает уверенность в том, что это действительно наделенные определенным смыслом элементы, а не случайно искаженные слова известного языка [Суперанская, 1989: 365].

Анализируя картографический материал, мы делаем вывод, что со временем состав и структура топонимов Белгородского региона менялся. Белгород – город древний. Научные споры о его происхождении (из Киевской Руси X века, или от Хазарского Саркела) ведутся с середины XIX столетия. А. Мусин–Пушкин в своём «Историческом исследовании о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжества» писал: «Белая Вежа, инако Саркел, город на Донце...» [Мусин–Пушкин 1794: 55].

В ходе исследования мы проследили написание названий современных районных центров, опираясь на исследование архивного материала, засвидетельствованные письменными источниками формы топонимов, их варианты в разные периоды существования.

В Государственном архиве Белгородской области (карты не внесены в фонды, хранятся в открытом доступе в читальном зале) и на сайте www.etomesto.ru мы обнаружили следующие карты Белгородского региона, отражающие топонимы с XVIII в.:

1. Карта Белгородской губернии. Скомпилирована из карт V и VII Атласа Российского (1745). Границы губернии и внутренних провинций обведены (см. Приложение).

2. 1768 год. План Белгорода.

3. Карта из сборника: **«Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России в 1787г.»**. Автор: А. Вильбрехт. На 8 листах (7 подробных карт и 1 общая). Формат сборника: 46x67 см. В работе использована «Карта, представляющая части Харьковского и Екатеринославского Наместничеств Таврической области и земли войска Донского». Карта Собрание карт для путешествия её Императорского Величества. Харьковское и др. наместничества. 3306x4512 (см. Приложение).

4. Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий. Отпечатан в горном училище, автор: А.М. Вильбрехт. Карта Воронежского наместничества из атласа Российской Империи, состоящего из 44 карт, на которых обозначены 42 наместничества и 2 губернии. Атлас сочинен и гравирован при горном училище в 1792 году. Гравировал карту Алексей Савинков (см. Приложение).

В работе использована «Карта Воронежское наместничество на карте 1792 года 4678x3750» лист 34.

5. Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. Расположенный по губерниям на двух языках, с обозначением в оных городов, местечек, сел, деревень и всех примечательных мест, почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояния между ними, и прочими селениями в верстах и милях. На 70 листах с генеральной картой.

Сочинен по новейшим и достоверным сведениям в пользу обучающихся Российской географии для составления дорожников путешественникам, служащим в Военно-топографическом Депо, Свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части подполковником

Пядышевым 1820 года. Онлайн версия атласа привязана по координатной сетке, без поправок огрехов топографов XIX века. Это позволяет лучше понять представление о нашей стране в те времена среди географов и простых путников и путешественников. Некоторые отдельные планы из атласа Пядышева по губерниям, привязанные с поправками на местность, представлены в соответствующих региональных подразделах (см. Приложение).

В работе использована карта 26.

6. Трехверстовка Белгородской области. Военно-топографическая карта (см. Приложение).

Описание карты: Трехверстная «Карта Шуберта» на нынешнюю территорию Белгородской области от Военно–топографического депо. Карта отражает состояние местности по исследованиям 1869–1919 годов. Масштаб: в 1 см. 1.26 км. Использована часть листов, относящихся к Курской губернии и Воронежской губернии (карта 42 XLII). Всего карт 62.

Полное название: "Специальная карта Западной части Российской Империи, составленная и гравированная в 1/420000 долю настоящей величины при Военно-Топографическом Депо, во время управления генерал-квартирмейстера Нейдгарта под руководством генерал-лейтенанта Шуберта". Так называемая «Десятиверстка Шуберта» – полное издание 1832 года на 62 листах с дополнительным листом условных обозначений. Масштаб в 1 см. 4.2 км (в 1 дюйме 10 верст).

Работа по составлению карты была начата Фёдором Фёдоровичем Шубертом в 1821 году и продолжалась вплоть до 1840 года. С 1824 года по 1826 год работы не велись из-за нехватки топографов составителей и общего недофинансирования. В 1826 году составление листов карты возобновилось вместе с началом первых гравировальных работ по листам карты, на которые уже был собран материал.

Эта карта была основным капитальным трудом Военно-Топографического Депо после издания в 1804–1816 годах «Столистовой»

карты. До середины XIX века Специальная карта Шуберта являлась самой подробной картой на территорию запада Российской Империи. Но т.к. точность её была не очень высокой, то уже в 1863 году под руководством И.А. Стрельбицкого была начата работа по созданию «Новой специальной карты Европейской России» (в архиве Ф.79 ед. хр. 1, 1867 г.).

7. Карта Европейской России и Кавказского края 1862 г.

Полное название: «Карта Европейской России и Кавказского края составленная по новейшим сведениям при Военно–Топографическом Депо, изданная Императорским Русским географическим обществом в 1862 году».

Масштаб 1:680000. Одна карта размером 190x237 см. Литография, акварель (см. Приложение).

8. Современная карта Белгородской области.

Белгород.

На карте Белгородской губернии из Атласа Российского (1745) главный город Белгородской оборонительной черты обозначен как **БѣльГородъ**.

На карте 1768 года значится как **Плань городаБѣлгорода**.

Карта из сборника: «Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России в 1787 г.» автора А. Вильбрехта даёт такой вариант написания: **Бѣлгородъ**.

Карта Воронежского наместничества из атласа Российской Империи А. М. Вильбрехта 1792 года даёт такой же вариант–**Бѣлгородъ**.

В географическом атласе Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского 1820 года, автор Пядышев, находим название **БѣльГородъ**.

Трехверстовка Белгородской области. Военно-топографическая карта.

1846 года, автор Шуберт – **Бѣлгородъ**.

«Карта Европейской России и Кавказского края составленная по новейшим сведениям при Военно–Топографическом Депо, изданная Императорским Русским географическим обществом в 1862 году» также даёт вариант **Бѣлгородъ**.

Итак, в разное время написание названия областного центра выглядело так:

Бѣль Городъ – Бѣлгородъ – БѣльГородъ – Белгород.

Таким образом, в XVIII в данном топониме краткое (именное) прилагательное писалось отдельно, как самостоятельный признак, как часть речи, имеющая полную словоизменительную парадигму.

Алексеевка.

Населённый пункт нанесён на карты 1787 и 1792 гг., где обозначен как **Алексѣвка**. В географическом атласе Пядышева 1820 года Алексеевка не нанесена. Карта 1846 года даёт вариант **Лексѣвское**. Карта 1862 года – **Алексѣвское**.

Варианты написания топонима:

Алексѣвка – Лексѣвское – Алексѣвское – Алексеевка. Написание в 1846 году отражает произносительную норму топонима.

Борисовка.

Название посёлка не имеет вариантов, начиная с карты 1787 года.

Валуйки.

Название города не имеет вариантов, начиная с 1787 года.

Вейделевка.

На картах 1787, 1792 и 1820 года на реке Ураевка (современное Ураева) нанесён населенный пункт **Венделевка**. На трёхверстовке Шуберта 1846 года и карте 1862 года вариант написания **Венделивка**.

У Бориса Осыкова мы находим, что с 1748 года слободу «...стали именовать Вейделевкой» [Осыков 2001: 69].

Таким образом, до нас дошли следующие варианты оформления топонима:

Вейделевка – Венделевка – Венделивка – Вейделевка.

Волоконовка.

1820 год – **Волоконское**, 1846 год – **Волконское**, 1862 – **Волоконское**.

Варианты написания топонима:

Волоконское – Волконское – Волоконовка.

Грайворон.

1820 год – **Гайворона**, 1846, 1862 – **Грайворонь**.

В разное время название фиксировалось так:

Гайворона – Грайворонь – Грайворон.

Ивня.

Название посёлка не имеет вариантов, начиная с 1787 года.

Короча.

1787 год – **Короча**, 1792, 1820 – **Кароча**, 1846, 1862 годы – **Короча**.

Итак, карты представляют такие варианты:

Короча – Кароча – Короча.

Особенности написания топонима на карте 1820 г. связаны с «аканьем» как отражением произносительной нормы, далее – с орфографическими нормами.

Красное.

Название посёлка не имеет вариантов, начиная с 1787 года.

Бирюч.

Название города не имеет вариантов начиная с 1787 года – **Бирючь**.

Бирючь – Бирюч.

Красная Яруга.

Название посёлка не имеет вариантов, начиная с 1787 года.

Новый Оскол.

Карта из сборника: «Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России в 1787 г.» предлагает такой вариант написания: **Новой Осколь**.

Карта Воронежского наместничества из атласа Российской Империи А. М. Вильбрехта 1792 года так же **Новой Осколь**. На карте 1820 года сокращение **Нов. Осколь**. Карты 1846 и 1862 годов дают вариант **Новый Осколь**.

В разное время название фиксировалось так:

Новой Осколь – Нов. Осколь – Новый Осколь – Новый Оскол.

Прохоровка.

На карты 1792 и 1846 года нанесён топоним **Прохоровка.**

Ракитное.

Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России в 1787 г. – **Рокитная**, карта 1820 г. – **сл. Ракитная**, 1846 г. – **Ракитная**, 1862 – **Ракитное.**

Варианты написания топонима:

Рокитная–Ракитная–Ракитное.

Ровеньки.

Название посёлка не имеет вариантов, начиная с 1787 года.

Старый Оскол.

Карта из сборника: «Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России в 1787 г.» предлагает такой вариант написания: **Старой Осколь.**

Карта Воронежского наместничества из атласа Российской Империи А. М. Вильбрехта 1792 года **Стар.Осколь.** На карте 1820 года сокращение **Стар. Осколь.** Карты 1846 и 1862 – **СтарыйОсколь.**

Таким образом, до нас дошли следующие варианты оформления названия:

Старой Осколь–Стар.Осколь–Старый Осколь–Старый Оскол.

Чернянка.

На карте «Трехверстовка Белгородской области. Военно-топографическая карта 1846 года» Шуберта обозначена **Нов. Ивановка (Чернянка).** В 1862 г. нанесён вариант **Нов. Ивановка.**

Варианты написания топонима:

Нов. Ивановка (Чернянка) – Нов. Ивановка – Чернянка.

Письменные источники указывают на последовательность номинации, их изменение, морфемную и словообразовательную структуру. В результате реформы 1917-1918 годов из русского письма были исключены буквы «ять»,

«фита», «I»), отменено написание Ъ в конце слов и частей сложных слов, что привело к изменению написания таких топонимов, как Новый Оскол, Старый Оскол, Алексеевка, Белгород. Топоним Волоконовка в ходе образования полногласия (лексико–фонетическое явление современного русского языка: наличие в корневых морфемах сочетаний оро, ере, оло между согласными) изменилось написание с. *Волконское*. В написании *Лексѣевское*, *Венделивка* зафиксировано отражение произносительной нормы. С помощью карт можно наблюдать, как из полусвободного словосочетания рождается цельнооформленный топоним: *БѣльГородъ–Бѣлгородъ*.

Предпринятое исследование открывает перспективы для углубленного изучения регионального топонимического материала: выявление закономерностей номинации, хронологическое освещение топонимических фактов в историческом контексте, сравнение Белгородского ономастикона и других регионов России.

Особый ряд топонимов составляет так называемая перенесённая топонимия, дублирующая названия на новой территории тех мест, откуда осуществлялась миграция. В Словаре–справочнике лингвистических терминов даётся такое толкование: дублеты (франц. doubletиз double–двойной) - двойная разновидность данной языковой единицы [Розенталь 1985: 73].

В строительстве Белгородской черты участвовали жители многих районов России, в том числе москвичи, новгородцы. Помощь русскому народу в сооружении черты оказал братский украинский народ. Многие годы Белгородский регион был привлекательным для переселения. Не удивительно, что название многих топонимов современного Белгородского района являются дублетами названий других территорий, напр.:

Село **Брянские Липяги** Вейделевского района – краеведы считают, что первые поселенцы были с Брянщины. «Липяг» — старинное русское слово, означающее небольшой лесок в степи.

Село **Венгеровка** Ракитянского района.

Село **Дунайка** Грайворонского района. Название селу дали украинские переселенцы – черкасы во второй половине XVIII века.

Село **Елецкое** Новооскольского района – первые поселенцы были из города Елец Липецкой области. В этих местах оставались свободные земли с. Оскольское и с. Елецкое, расположенные на песчаных бедных землях, заселялись крестьянами среднего зажиточного сословия городов Ливны, Елец, Тим.

Посёлок **Зелёный Кавказ** Ракитянского района (исчез с белгородской карты около полувека назад).

Село **Курское** Старооскольского района основано переселенцами из-под города Курска.

Хутор **Кучугуры** Ровеньского района. Слово имеет украинскую этимологию (украинский Кучугур) и обозначает «піщані бугри». В основе слова две основы: куча и гора.

Село **Ливенка** Красногвардейского района название обозначает разновидность гармонии. Перенесено от г. Ливны Орловской области.

Село **Псковское** Ракитянского района. Село Псковское впервые упоминается в «Описи Харьковского наместничества конца XVIII ст.» за 1780 г. как село Скопская Хотмышского уезда (Скапская – диалектическое образование от Псковская).

Село **Тулянка** Валуйского района образовано при помощи суффикса -к-, связь с г. Тула.

Село **Харьковское** Ровеньского района (по названию соседнего города).

Село **Муром** Шебекинского района. По версии краеведа Кузюлёва, своё название село получило в честь родины первых поселенцев села в честь города Муром Владимирской области.

Деревня **Кострома** Прохоровского района названа в честь города Кострома.

Пруд **Байкал** в Белгородском районе между сёлами Старая Нелидовка и Головино. Водоём был безымянным, недавно ему дали наименование за форму полумесяца, как и у озёра Байкал, глубину, чистоту и обилие рыбы.

На примере Белгородской ойконимии можно установить, что лексические дублиеты зачастую отличаются стилистической окраской. Это происходит при образовании прилагательных от имён существительных (субстантивации) при помощи суффиксов *-к-*, *-овк-*, *-овск-*.

В топонимах Белгородского региона находят отражение исторические и социально-экономические факты развития края. Такие наименования, преломляясь через сознание людей, приобретают в ойконимии не только новую номинативную функцию, но и характерологический или оценочный признак.

2.3. Структура топонимов Белгородского региона

Топонимический материал при всей сложности его фонетической, семантической и морфологической структуры поддаётся формализации. Каждый топоним представляет собой слово (простое, сложное, усечённое, суффиксальное, отглагольное) или словосочетание, функционирующее в качестве названия того или иного географического объекта. Таким образом, топоним обладает суммой признаков, которые можно формализовать. Такими признаками являются:

1. графические;
2. структурные;
3. семантические;
4. географические.

1. Графические признаки топонима представляют собой набор символов-букв, соответствующий звуковому облику слова.

Простые топонимы. Имя собственное географического объекта образовано только от термина, т.е. имя нарицательное (апеллятив, географический термин) перешло в имя собственное (топоним). Например, в

Белгородской области местность *Бродок*, населенный пункт *Ивня*, небольшое поселение *Балки*, хутора *Кочки*, *Ключи*, *Кусты*, сёла *Лавы*, *Плота*.

Аффиксальные топонимы. Состоят из значимого корня и аффикса - служебного форманта, самостоятельно не употребляющегося. Так, в составе собственных имён населённых пунктов: село *Никольское*, посёлок *Октябрьский*, хутор *Озеровский*, село *Советское* выделяются корневые (значимые) части (Николай, октябрь, озеро), к которым добавлен аффикс *-ск-*. В других случаях используются аффиксы *-цк-* (*Стрелецкое*, *Казацкое*, с. *Хотмыжск*, п. *Троицкий*), *-ово-* (с. *Новокладовое* Губкинского района, с. *Ястребово*, с. *Коробово*), *-ево-* (х. *Хмелевой*, х. *Ключевой*, п. *Полевой*), *-овк-* (с. *Новосёловка*, с. *Ивановка*, п. *Волоконовка*, п. *Борисовка*) и др.

Двухсложные топонимы. Состоят из географического термина (апеллятива) или определяемого слова и определяющей части (детерминатива). При этом в абсолютном большинстве случаев на втором месте стоит апеллятив: с. *Бобровы Дворы*, с. *Маслова Пристань*, п. *Батрацкая Дача*, с. *Кривые Балки*, с. *Жилин Колодезь*, с. *Белый Плёс*.

Отглагольные топонимы. В них присутствует глагольная форма: х. *Высыпной*, х. *Гремучий*, х. *Распаши*.

Эллиптированный топоним. Он образован в результате опущения одного из слов или одной основы, входящих в дву- или многословное имя. На территории современной Белгородской области эллиптированными являются ойконимы: с. *Буды* (на карте 1862 года *Рыбинские Буды*) с. *Белянка* (там же: *Дмитриевка Белая*), с. *Верхопень* (там же: *Михайловское Верхопень*), *Короча* (*Красный город на Короче*).

Усечённое (гипористическое) имя представляет собой сокращённую форму основы. Напр.: ойконим *Готовьё* от *готовищё* – «место рубки в лесу, где сложены готовые дрова», с. *Авиловка* – от имени Вавила.

2. Структурные признаки определяют собой типологические системы топонимов. Топонимия Белгородского региона представляет собой зоны смешения с топонимическими единицами соседних областей – Курской,

Воронежской, Украины: *х. Зелёный Гай (гай – лес), х. Криничный (криница – колодец), с. Зозули (зозуля – кукушка), с. Тютюниково (тютюн – табак).*

3. Семантические признаки топонимии проявляются в лексических значениях участвующих в образовании топонимов лексем. Если структура топонимов обусловлена в основном внутрilingвистическими факторами, то семантика их во многом зависит от экстралингвистических факторов. К таковым относятся и окружающая среда (ландшафт с его животным и растительным миром), и хозяйственная деятельность человека, его космогонические представления и эстетические ценности. В целом можно сказать, что в семантике топонимов раскрывается историческое мировоззрение человека.

В соответствии с этим по семантическому принципу принято разделять все топонимы на две группы:

1) названия, отражающие физико–географические особенности объекта: *с. Бродок (от «брод»), с. Ерик (от «старица вода»), с. Крутой Лог (от термина «лог», т.е. балка, широкий овраг, часть покинутого русла реки, куда по весне заливается вода, с. Топлинка – эта река в прежние времена в половодье часто выходила из берегов.*

2) наименования, непосредственно связанные с практической деятельностью человека. Антропонимическую основу имеет значительная часть белгородских ойконимов: *с. Гончары, с. Кузнецы, Боярская слобода.*

Во многих названиях населенных пунктов образующей базой являются личные неканонические и канонические имена, прозвища и фамилии первопоселенцев, основателей или владельцев селений. Антропонимы и топонимы, являясь основными разрядами собственных имён, тесно взаимосвязаны, что нашло отражение в значительном количестве ойконимов: *п. Борисовка, с. Андреевка, г. Губкин, с. Петровка.*

По роду службы населённые пункты заселялись служилыми людьми, что сохранилось в топонимии Белгородского района – *с. Драгунское, с.*

Пушкарное, с. Стрелецкое, с. Верхнеатаманское, с. Казацкое, с. Солдатка, с. Драгунское.

Название древних промыслов и занятий населения в прошлом: с. *Заводцы, с. Таврово* – по одной из версий, в этом месте таврили лошадей, то есть ставили тавро «клеймо, знак, метка», с. *Толоконное* – в этом селе производили толокно, муку из поджаренного очищенного овса, с. *Чумаки* – так в старину звали крестьян, которые возили на Дон и в Крым муку, а оттуда возвращались с возами, груженными рыбой и солью [Осыков 2001: 298].

Топонимия любого региона складывается под влиянием различных факторов. К главным составляющим относятся: естественно-географическая среда, социально–исторические условия, морально–этические и религиозные представления. Белгородские ойконимы образованы, главным образом, морфологическим способом при помощи аффиксации, префиксации морфолого–синтаксическим способом (отглагольные), лексико–синтаксическим способом (эллиптированные ойконимы).

2.4. Неофициальные названия районов города Белгорода

Долгое время *Белгород* занимал исторически сложившуюся центральную часть города, ограниченную улицами, современникам знакомым под названием *Пугачева, Гагарина, Вокзальная, Пушкина*.

Жизнь города изменилась в 1869 году, когда через него прошла Курско–Харьковско–Азовская железная дорога. Увеличилось городское население. К началу XX века число жителей города составило около 40 тысяч человек. В 1871 году в Белгороде был проведён первый водопровод и устроено водоснабжение из артезианской скважины. В центре города строят два водонапорных «бака», их устанавливают в кирпичных башнях. В городе работало 26 небольших промышленных предприятия. Образование можно было получить в двух десятках учебных заведений, в том числе в Учительском институте, открытом в 1876 году. Белгородцы могли посещать три кинотеатра и два концертных зала, библиотек, по праздничным дням они

гуляли в городских парках. В начале XX века Белгород был относительно развитым уездным центром, «лучшим из 17 городов Курской губернии».

Город стал стремительно развиваться и в черту города вошли близлежащие села. Так частью города стало село *Болховец*, село *Кашары*, село *Пушкарное*, село *Гриневка*, раньше всех присоединилось к городу село *Савино*, расположенное ближе всего к центру города.

Также застраивались новые микрорайоны, ранее занятыми полями. Так появился микрорайон, получивший модное в те времена название «Черёмушки», посёлок, а с 2001 года город Строитель и район Харьковской горы, строительство которого началось в 1968 году.

Эти районы сохранили свои названия в устах коренных жителей Белгорода и являются неофициальными и, хотя активно бытуют в речи жителей, не внесены в административные документы. Дадим описание некоторым из названий данной группы.

Болховец – так неофициально называют юго–западную окраину Белгорода. Топоним произошёл от названия села, располагавшегося на этом же месте. Этимология имеет естественно–географический характер, от гидронима. Город–крепость *Болховец* был построен осенью 1646 года на северной стороне реки Везелицы, там, где в нее впадал колодезь (родник) Болховец.

Название топонима *Кашары*, ставшего прародителем одного из названий района Белгорода, имеет культурно–исторический характер и относится к ойконимам, отражающим особенности хозяйственной деятельности населения или черты быта (по определению В. Даля – от кашара – «стойбище для овец в степях»).

Название одного из районов *Пушкарное* относится к названиям населенных пунктов культурно–исторического характера, ойконимам, связанным с историей заселения края и служебной деятельностью населения. Одновременно с появлением городов–крепостей происходит и заселение пограничного Белгородского края различными категориями населения,

значительную часть которого составляли мелкие служилые люди—стрельцы, казаки, пушкари, солдаты и т.п.

Наименование села *Гриневка* относится к ойконимам, образованным от антропонимов. Антропонимы и топонимы, являясь основными разрядами собственных имен, тесно взаимосвязаны. Антропонимы и в прошлом, и в настоящее время служили и служат базой для образования географических имен. Во многих названиях населенных пунктов образующей базой являются личные календарные или прозвищные имена, а также фамилии первопоселенцев, основателей или владельцев селений. Можно предположить, что название села Гриневка произошло от имени Григорий (Гришка, Гринька). До 1964 году это было село, но через несколько лет оно вошло в черту города, и этот район оставил свое историческое название только в речи коренных белгородцев.

К этой же группе ойконимов относится и название *Савино*, района, расположенного в северо–восточной части города. Савино – от имени Савва, Савелий.

Мы по привычке считаем частью города и *Ячнево*, но это ошибочно, так как поселок Ячнево не входит в черту города и является отдельной административной единицей.

Редко кто даже из местных жителей вспомнит сейчас историческое название одного из современных микрорайонов города. А ведь еще в XIX веке из местных жителей не назвал бы вам, где находится Харьковская гора. Это место носило название *Тавровская гора*. Современное название микрорайон получил по названию соседнего города, расположенного за этой горой – Харьков. Потому что дорога туда проходила по Тавровской горе. А микрорайон, расположенный на этой горе, официально называется Южный.

Не смотря на то, что в официальных документах исторические названия не сохранились, в памяти народа остались прежние названия топонимов.

Итак, топонимическая система Белгородского региона рассматривается как сложившаяся и сформировавшаяся на протяжении многих столетий система, особым образом оформленная и функционирующая. Регион, расположенный на обширной территории, входящий в состав различных губерний и наместничеств, сохраняет в своей топонимии следы прошлого экономического уклада, политической и духовной жизни, произносительные нормы того времени. Своеобразная топонимическая система современной Белгородской области обусловлена историческими условиями, в которых он находился на протяжении длительного периода (крепость–форпост, оборонительная черта, уездный город, административный центр Белгородской области). Как следствие этого – ойконимы, связанные со служебной деятельностью населения, наличие не только общерусских географических названий, но и многочисленные следы присутствия украинских, реже белорусских слов, сохранение в топонимах субстратных элементов.

Топонимическая система Белгородского региона развивается неравномерно, поэтому ее становление рассматривается и в статике (в определенные исторические эпохи), и в динамике (на протяжении довольно длительного исторического периода – с XVII по XXI век).

Постоянство одних топонимов и изменчивость других связаны как с общими тенденциями развития лексики русского языка (развитие полногласия, произносительные нормы, связанные с «аканьем», архаизация отдельных слов и их утрата, и пополнение лексики за счет новообразований, заимствований и т.п.) так и с конкретными топонимическими причинами. Особенность топонимического материала состоит в том, что он включает в себя не только лингвистический компонент, но также в большой степени исторический, культурологический и социологический.

Заключение

Топонимика является непосредственным отражением языкового сознания носителя языка, механизма восприятия объективной действительности, этнокультурных характеристик, что определяет актуальность антропоцентрической семантики.

Невозможно представить современную цивилизацию без географических названий. Топонимы – обязательный элемент развития общества и человечества в целом. Их совокупность в пределах той или иной территории представляет собой результат многовекового народного творчества.

В ходе исследования раскрыто понятие топонимики как науки, определена ее взаимосвязь с другими современными науками. Можно сделать выводы, что топонимия несет важную культурно-историческую информацию и служит одним из источников, используемых в истории, этнографии и лингвистике. В топонимии отражаются природные реалии, особенности освоения конкретной территории, мировосприятие и мировоззрение людей, этнокультурные и этноязыковые контакты и идеология. Изучение топонимов, выявление закономерностей их возникновения, развития и функционирования важно для современных людей, т.к. многие реалии, объекты исчезают, а вместе с ними исчезают и названия, заключающие в себе духовный культурно–исторический пласт.

В ходе исследования нами был собран и систематизирован архивный материал, представленный картами с 1745 года:

- Карта Белгородской губернии (1727–1779 гг.) 1745 г.;
- План г. Белгорода 1768 г.;
- Карта из сборника «Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России 1787г.»;
- Российский атлас 1792 г.;
- Географический атлас Российской Империи 1820 г. (автор Пядышев);

- Трёхвёрстная «Карта Шуберта» 1846 г.;
- Карта Европейской России и Кавказского края 1862 г.;
- Современная карта Белгородской области.

Томонимы классифицированы по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации; по лексико-семантической структуре как средству выражения топонимообразовательного исторического процесса. Рассмотрена классификация в хронологическом аспекте и проведена стилистическая классификация.

Изучена структура и способы образования топонимов Белгородского региона, из чего сделан вывод, что Белгородские ойконимы образованы, главным образом, морфологическим способом при помощи аффиксации, префиксации, морфолого–синтаксическим способом (отглагольные), лексико–синтаксическим способом (эллиптированные ойконимы).

Проанализировав особенности графической фиксации ойконимов, мы пришли к выводу, что в написании географических названий на территории Белгородского региона в первой половине XIX века отражаются произносительные нормы носителей языка, например, связанные с «аканьем».

Письменные источники позволили проследить последовательность номинации топонимов, их изменение, морфемную и словообразовательную структуру. В результате реформы 1917– 1918 годов из русского письма были исключены буквы «ять», «фита», «І», отменено написание Ъ в конце слов и частей сложных слов, что привело к изменению написания таких топонимов, как *Новый Оскол*, *Старый Оскол*, *Алексеевка*, *Белгород*. В написании *Лексѣевское*, *Венделивка* зафиксировано отражение произносительной нормы. Картографический архивный материал позволяет наблюдать, как из полусвободного словосочетания рождается цельноформленный топоним: *БѣльГородъ–Бѣлгородъ*.

Архивные материалы открывают широкую перспективу дальнейших исследований топонимов, необходимых для создания полного ономастикона. Системное изучение топонимов, как и гидронимов, антропонимов позволяет выявить особенности национального мировосприятия, отраженного в специфике наименований.

Мы убедились в том, что географические названия имеют пространственную привязку и нередко отражают природу ландшафта, говорят о характере заселения человеком новой территории, о природных богатствах и других географических особенностях территории. Вследствие проведенного нами исследования, стало ясно, что топонимы – чисто лингвистическая категория, которая подчиняется законам языка. Однако будет неверно, если мы поставим знак равенства между простыми словами, которые обычно используются для передачи образов и мыслей, и топонимами, которые могут не нести смысловую нагрузку и отвечать лишь служебной задаче – обозначению данного географического объекта. Факт в том, что топонимы обладают больше номинативностью.

Топонимы Белгородской области прошли сложный путь развития, их истоки берут начало более 1000 лет назад. Из многих городов, носивших имя «белый» в разные времена, всего два города на карте мира сохранили его: Белгород и Белград (Югославия). Остальные в силу разных причин утратили или изменили его. Ушли с карты Бел–Вежа (965 г.), Белгород (на Днепре), Белгород (Старая Рязань 1237 г.), Белгород (на р. Рупине 992 г.), Белгород (на р. Ирпене), Белгород (на р. Оке 1155 г.). Белгород на Днестре стал носить имя Белгород–Днестровский, Белгород под Киевом стал называться Белгородкой и т. д.

Топонимы Белгородского региона, являясь важным источником обогащения знаниями о родном крае, обнаруживают связь с рядом гуманитарных и другими дисциплинами и помогают извлечь много полезного и ценного для науки и практики.

Предпринятое исследование позволило выявить основные закономерности формирования белгородского топонимикона с учетом исторических, культурных и лингвистических особенностей, установить главенствующие структурные признаки. Проведенное исследование открывает перспективы для углубленного изучения регионального топонимического материала: выявление закономерностей номинации, хронологическое освещение топонимических фактов в историческом контексте, сравнение Белгородского ономастикона и других регионов России.

Список использованной литературы

1. Авдеева М.Т. Лексическое взаимодействие русских и украинских говоров Воронежской области // Материалы по русско–славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 10–13.
2. Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. – М.:Изд–во МГУ, 1969.
3. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: [учебное пособие] / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224с.
4. Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом –ън– // Восточнославянская ономастика/ Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 90–143.
5. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986.
7. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419–442.
8. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. – М.: Знание, 1983.
9. Горбаневский М.В. Из опыта культурно-исторического анализа топонимии: Русские ойконимы и православие // Топонимия и общество. – М.:АН СССР, 1989. – С. 16-31.
10. Горбачевич К.С. Русские географические названия. – М.; Л.: Наука, 1965.
11. Горпинич В.А. Взаимосвязь топонимической и апеллятивной лексики в древнерусском языке // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Днепропетровск, 1983. – С. 12–14.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Т. – М.: Русский язык, 1999.

13. Добродомов И.Г. Ворскла // Русская Речь. – 1987.– № 2. – С. 114–118.
14. Добродомов И.Г. Оскол // Русская Речь. – 1986. – №3. – С. 117–121.
15. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Краеведение и диалектология // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. – Орел: ОГПИ, 1994. – С. 47-49.
16. Жиленкова И.И. Региональная топонимика (ойконимия Белгородской области). Учебное пособие к спецкурсу. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001.
17. Жучкевич В.А. Общая топонимика: [учебное пособие] / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд. 3–е. Высшая школа, 1980. – 288с.
18. Жучкевич В.А. Принципы использования топонимии при историкогеографических разысканиях // Питання сучасного ономастики. – Киев: Наукова думка, 1976. – С. 59-63.
19. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
20. Зверев А.Д. О топонимах на –ск // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1976. – С. 102–104.
21. Зверев А.Д. Словообразование в современных восточнославянских языках. – М., 1981.
22. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. – М.: Просвещение, 1973.
23. Кичигин В.П. Гуманитарно–филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей//Белогорье. Краеведческий альманах №2. –Белгород, 2000. – с.135.
24. Кожин А.П. Составные наименования в русском языке // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 31–36.

25. Кондрашина В.В. Соотносительный ряд «верхний» – «нижний» в русской топонимии // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980. – С. 29–35.

26. Кошарная С.А. О лексемах с общим значением «наименование жилого строения» в белгородских говорах // Проблемы русистики (лексикология и грамматика). Тезисы Межрегиональной Научной конференции. – Белгород: Изд-во БГПУ, 1995.– С. 52–55.

27. Кузнецова Н.А. Взаимосвязь антропонимии и топонимии (на материале русского языка) // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Днепропетровск, 1983. – С. 23–25.

28. Кулабухов В.С. Служилые люди на охране южного рубежа Российского государства во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Сборник научных трудов аспирантов. Вып. 1.– Белгород: Изд-во БГПИ, 1994.– С. 124–128.

29. Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопросы языкознания.–1993.– № 3. – С. 86–95.

30. Матвеев А.К. Топономастика и современность // Вопросы ономастики. № 8-9 / Под ред. А.К. Матвеева. – Свердловск: Изд-во УГУ, 1974. – С. 4-14.

31. Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (географические названия).– М.: Изд-во МГУ, 1977.

32. Морозова М.Н. Топонимы в словообразовательной системе современного русского языка // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1974.– С. 83-92.

33. Мурзаев Э. М., Изучение географических названий / Э.М.Мурзаев // Справочник путешественника и краеведа : [учебное пособие] / Э.М. Мурзаев. – М. : Природа, 1950. – Т.2. – 648 с.

34. Мурзаев Э. М. География в названиях: [учебное пособие] / Э.М. Мурзаев. – М. : Наука, 1982. – 177 с.

35. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики: [учебное пособие] / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
36. Мурзаев Э.М. Основные направления топонимических исследований // Принципы топонимики. – М.: Наука, 1964.– С. 28–42.
37. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984.
38. Мурзаев Э.М. Слово на карте: [учебное пособие] / Э.М. Мурзаев. – М.: Армада-пресс, 2001. – 448 с.
39. Мусин–Пушкин А.И. Историческое исследование о местоположении древнего русского Тмутараканского княжения. С–ПБ: Типография Корпуса чужестранных единоверцев, 1794., LXXIV с., 3 л. иллюстраций, карт, схем.
40. Нерознак В.П. Лингвистический энциклопедический словарь: [учебное пособие] / В.П. Нерознак. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 658 с.
41. Николаенко А.Г. Северо-западная Хазария или Донская Русь?..(древности приоскольской лесостепи в заметках краеведа). – Волоконовка, 1991.
42. Никонов В.А. Введение в топонимику: [учебное пособие] / В.А. Никонов. – М.: Наука , 1965. – 215 с.
43. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965.
44. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966.
45. Овчинников В. В. Белгород. Сказание земли Белгородской. – Белгород, 2012. –с.64
46. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – М. – 20–е изд. – 1989. – 468 с.
47. Осыков Б.И. Белгородский алфавит. Краткий краеведческий справочник. – Воронеж: Центр.-Черноземное изд-во, 1990.
48. Осыков Б.И. Города и реки Белгородчины. – Белгород, 1990.

49. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М., 1965.
50. Подольская Н.В. О развитии отечественной топонимической терминологии / Н.В. Подольская // Развитие методов топонимических исследований. / Сб. статей / Под ред. Е.М. Поспелова. – М.: Наука, 1970. – С.57–60.
51. Подольская Н.В. Ономастическое словообразование (сопоставительный анализ на материале восточно-славянской ономии): автореф. Диссертации док. фил. наук. 10.02.01. русский язык / Н.В. Подольская. – М.: 1990. – 49 с.
52. Подольская Н.В. Принципы топонимики: [учебное пособие] / Н.В. Подольская. – М., Наука, 1964. С.37–39.
53. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.
54. Попов А.И. Географические названия: Введение в топонимику. – М.; Л.: Наука, 1965.
55. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. – М.: Русские словари, 1993.
56. Поспелов Е.М. Из истории отечественной топонимики. – Изв. АН СССР. Секр.геогр. Вып. 3. – М., 1977.
57. Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. – М.: Просвещение, 1988.
58. Прохоров В.А. Надпись на карте: Географические названия Центрального Черноземья. – Воронеж: Центр. –Черноземное изд-во, 1977.
59. Розенталь Д.Э., Теленкова Словарь–справочник лингвистических терминов. – М: Просвещение, 1985. –с. 400
60. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов// Восточнославянская ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 9–89.
61. Рубцова З.В. Названия деревень – часть народной культуры // Русская речь.– 1989. – № 6. – С. 86-90.

62. Русская ономастика и ономастика России. Словарь /Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа–Пресс, 1994.
63. Селищев А.М. Из старой и новой топонимики // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97–128.
64. Словарь исторических терминов // Под ред. В.С. Симакова. – М. : ЛИТА , 1998. – 464 с.
65. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика. – М.: Просвещение, 1990.
66. Смолицкая Г.П. Карты генерального межевания России как источник топонимического исследования//Развитие методов топонимических исследований. – М.,1970. – С. 54-70.
67. Суперанская А. В. Что такое топонимика?: [учебное пособие] / А. В. Суперанская. – М., Наука , 1985. – 187 с.
68. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: [учебное пособие] / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
69. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л.: Лениздат, 1991.
70. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. – М., 1969.
71. Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993 / Ин-т рус. языка РАН. – М.: Наука, 1994. – С. 3–23.
72. Углов, Н.Н. У истоков основания Волоконовки / Н.Н. Углов // Красный октябрь. – 1997. - №78. – 3с.
73. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Прогресс, 1967.
74. Федорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии / Под ред. М. В. Федоровой.– Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 62-70.

75. Федорова М.В. Народная интерлингвистика. Славяне на Дону.– Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.
76. Федорова М.В. Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области // Истоки. Историко-краеведческий сборник статей о Белгородчине. – Белгород: Везелица, 1992.– С. 139–147.
77. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962.
78. Черняховская Е.М. История разработки топонимических классификаций / Е.М. Черняховская // Развитие методов топонимических исследований. / Сб. статей / Под ред. Е.М. Поспелов. – М. : Наука, 1970.
79. Черняховская Е.М. История топонимики в СССР: [учебное пособие] / Е.М. Черняховская. – М. : АН СССР, 1967. – С. 12–14.
80. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1966.
81. Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. Тамбов. 2008г. с. 197
82. Яценко А.И. Топонимы и географическая среда // Географическая среда и географические названия. – Л., 1974.– С. 74–86.

ресурсы Интернет

1. Интернет–портал www.etomesto.ru
2. Официальные сайты органов местного самоуправления:

[www .borisovka.info](http://www.borisovka.info)

www.adm-alekseevka.ru

www.admivnya.ru

www.admprohorovka.ruwww.belrn.ru

www.biruchuszn.ru

www.graivoron.ru

www.gubkinadm.ru

www.korochoa.ru

www.kraadm.ru

www.oskoladmin.ru

www.oskolregion.ru

www.rakitnoeadm.ru

www.rovenkiadm.ru

www.val-adm.ru

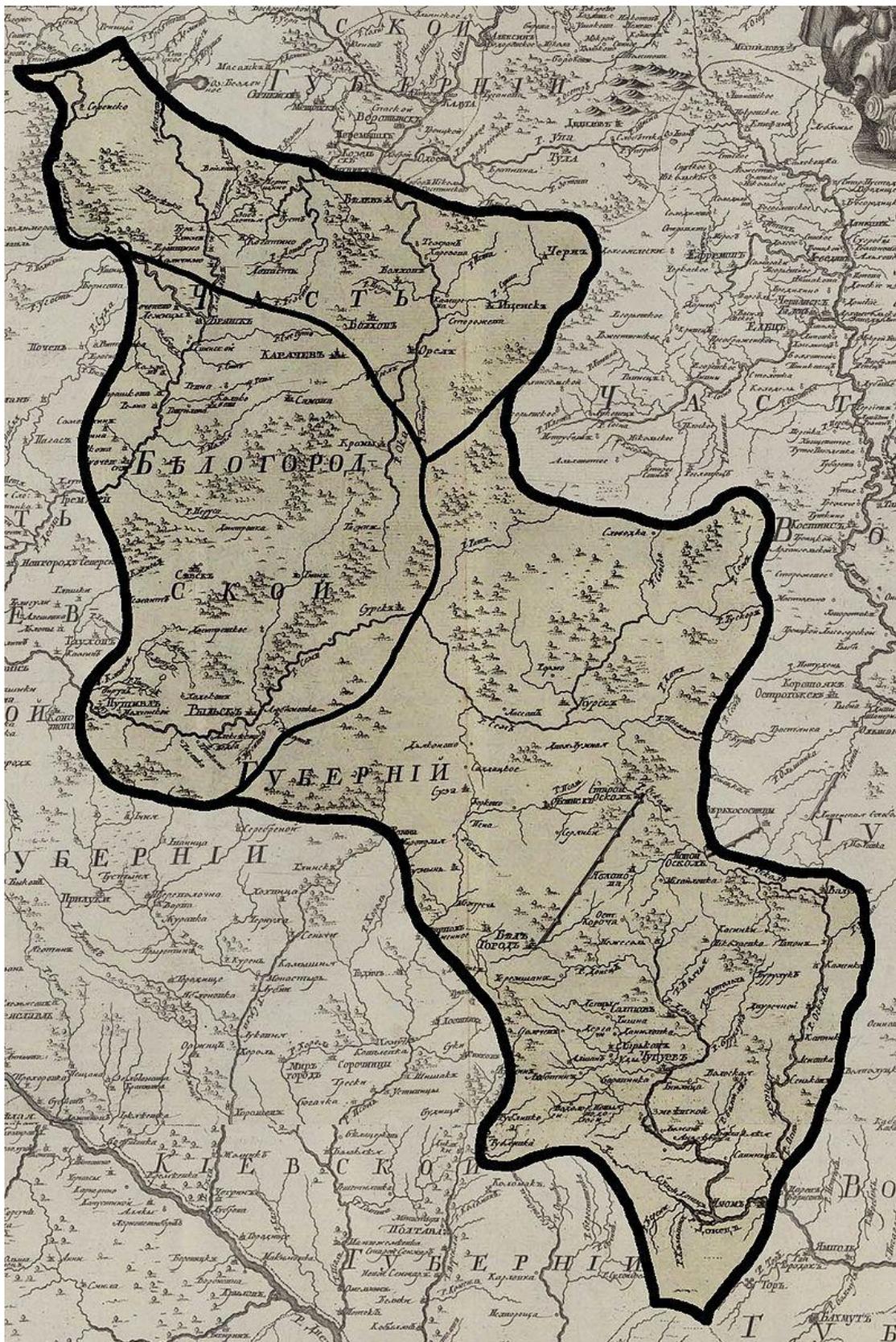
www.veidadm.ru

www.voladm.ru

www.yaruga.belnet.ru

Приложение

1. Карта Белгородской губернии. Скомпилирована из карт V и VII Атласа Российского (1745). Границы губернии и внутренних провинций обведены.

2. План города Белгорода подтвержденный в 1768 году 26 апреля.

Условные обозначения:

Условные обозначения къ плану

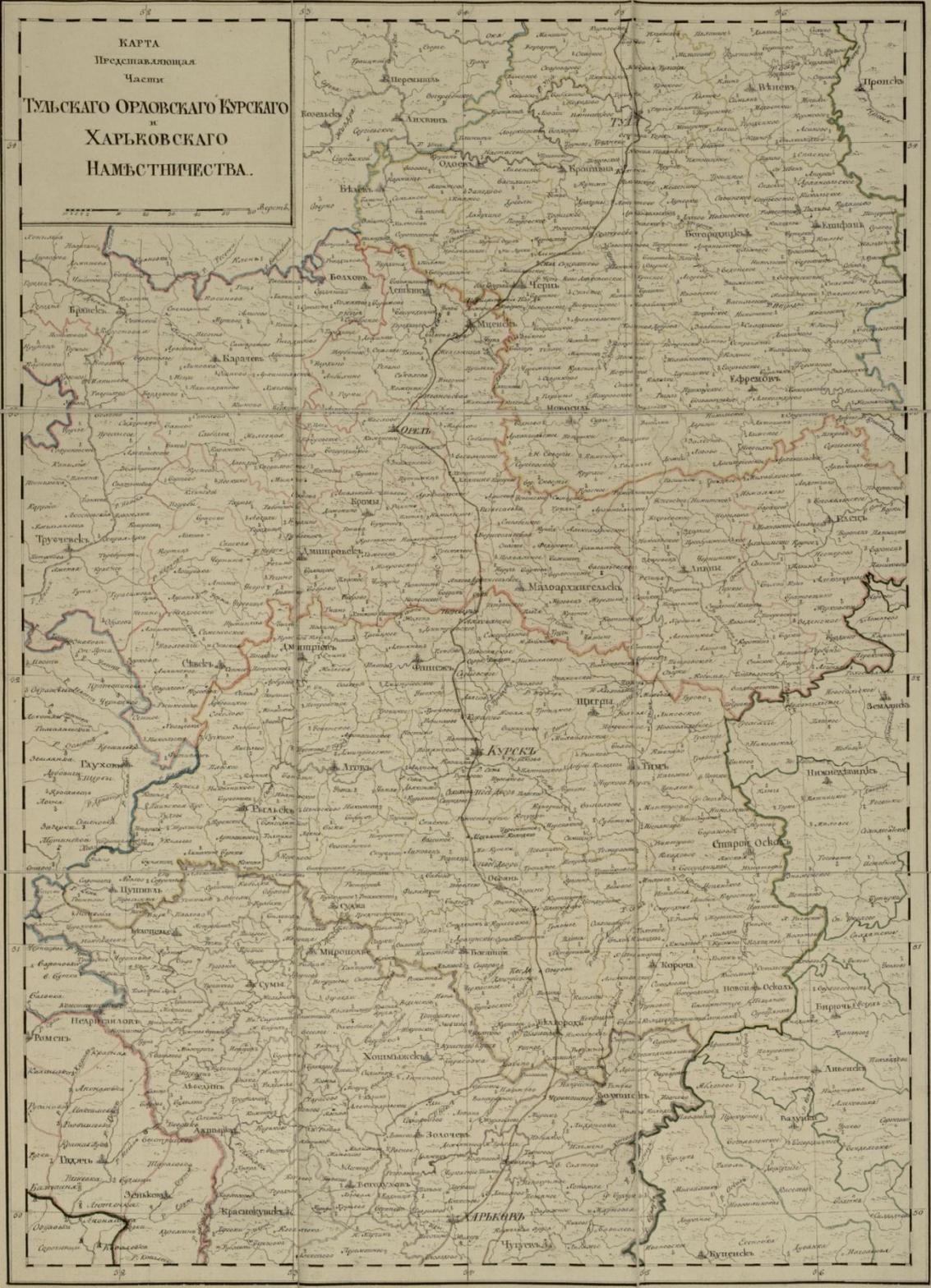
Монастырь муромск. святотроицк. и дренскій въ высш. в. болг.	а
Соборы: Смоленскій Богородиц. нар.	б
Успенскія Богородицк. нар.	в
Александровскія Богородицк. нар.	г
Михайловскія Богородицк. нар.	д
Внутренн. воюарня	е
Владимирск. Богор. нар.	ж
Покрова Богородицк. нар.	з
Преображенск. господня	и
Никольск. чудотворца	к
Присутств. палата	л
Сенатск. палата	м
Губернск. правленіе	н
Уездн. училище	о
Городск. магистратъ	п
Госуд. дворъ	р
Солдатск. амбаръ	с

3. Карта из сборника: «Собрание карт для путешествия её императорского величества в полуденный край России в 1787 г.». Автор: А. Вильбрехт. На 8 листах (7 подробных карт и 1 общая). Формат сборника: 46х67 см.

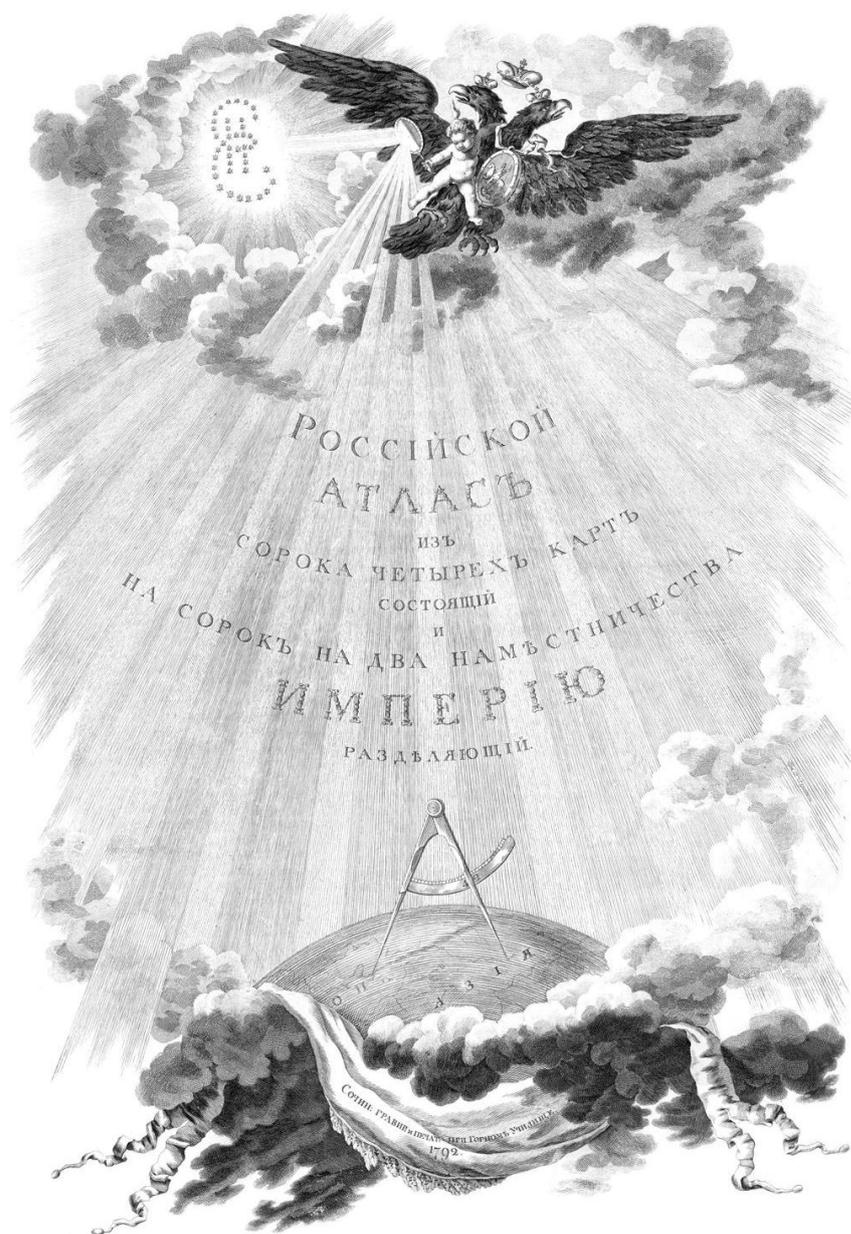
Карта, представляющая части Харьковского и Екатеринославского Наместничеств Таврической области и земли войска Донского, Карта Собрание карт для путешествия её Императорского Величества. Харьковское и др. наместничества. 3306х4512.

Карта частей Курского, Тульского, Орловского и других наместничеств 1787 года.

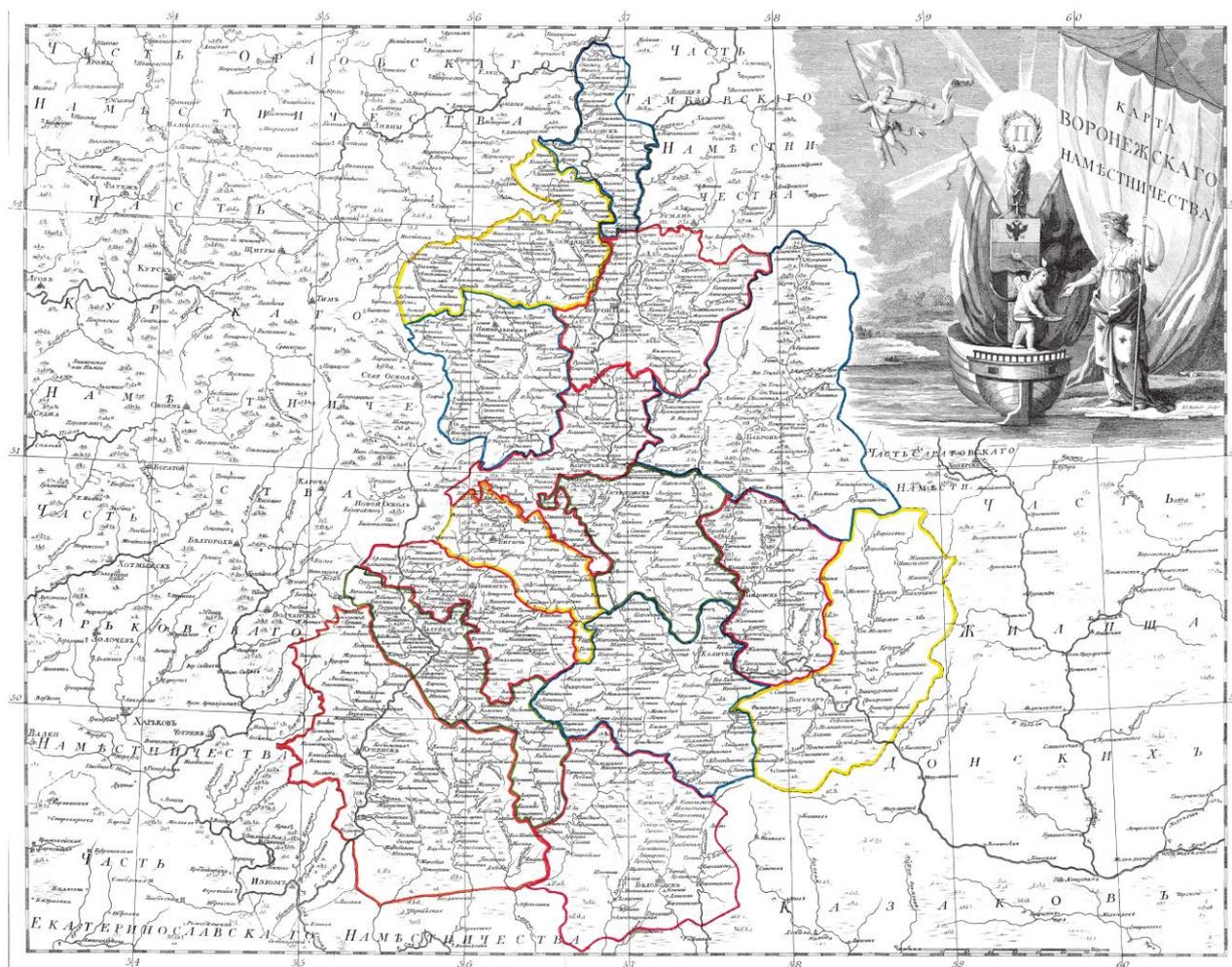

4. Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий. Отпечатан в горном училище, автор: А.М. Вильбрехт.

Карта Воронежского наместничества из атласа Российской Империи состоящего из 44 карт, на которых обозначены 42 наместничества и 2 губернии. Атлас сочинен и гравирован при горном училище. Гравировал карту: Алексей Савинков.

Карта Воронежское наместничество на карте 1792 года 4678x3750

5. Географический атлас Российской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. Расположенный по губерниям на двух языках, с означением в оных городов, местечек, сел, деревень и всех примечательных мест, почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояния между ними, и прочими селениями в верстах и милях. На 70 листах с генеральной картой.

Сочинен по новейшим и достоверным сведениям в пользу обучающихся Российской географии для составления дорожников путешественникам, служащим в Военно-топографическом Депо, Свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части подполковником Пядышевым 1820 года.

7. Современная карта Белгородской области 2016 г.

Индексная карта для быстрого перехода внутри региональных подразделов.

